

A detailed illustration of a woman with long, flowing blonde hair, seen from behind, standing in a dark, vine-covered archway. She is wearing a dark, long-sleeved dress with a fur collar. The archway is flanked by two glowing lanterns. The door is ornate and made of wood. The scene is set in a dark, forest-like environment with vines and leaves. A small, glowing blue light source is visible at the top of the archway.

НАТАЛЬЯ
КАЛИНИНА

**ПОБЕГ
ИЗ СТРАНЫ
ТРЕЗ**

Чужая ноша

Наталья Калинина
Побег из страны грез

«Калинина Наталья»

2012

Калинина Н. Д.

Побег из страны грез / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2012 — (Чужая ноша)

ISBN 978-5-699-57843-6

Она совершила одну-единственную ошибку, но жестоко корит себя за нее. Она готова заточить себя в башню и в полной мере принять наказание – лишь бы не пострадали близкие люди. Именно страх за них заставляет Ингу сломя голову бежать прочь из вновь обретенного дома, расстаться с любимым человеком, который только что сделал ей предложение. Сумеет ли Инга разбить свою призрачную темницу, простив себя, найдет ли силы принять любовь?..

ISBN 978-5-699-57843-6

© Калинина Н. Д., 2012

© Калинина Наталья, 2012

Содержание

I	5
II	13
III	21
IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Калинина

Побег из страны грез

С благодарностью – Андрею Вельниковскому

I

Еще чуть-чуть, немного усилий, и она будет спасена. Там, за жилым зданием, находится сквер, в котором в этот час выгуливают собак жители соседних домов. Только бы добраться до него, только бы... Но короткое, на два подъезда, здание вдруг оказывается бесконечно длинным, и твердый асфальт превращается в раскисшую смесь земли и глины, на которой Инга поскользывается и лишь чудом не падает. А удобные туфли на плоской подошве превращаются в босоножки на немыслимой шпильке, которые альпинистками вонзаются в землю, и выдергивать их становится все трудней и трудней. Ноги делаются вялыми, как у тряпичной куклы. Инга бежит, выбиваясь из сил, но, кажется, не продвигается вперед ни на метр. «Не догонишь, сволочь!» – думает она, с отчаянием понимая, что никуда не деться от преследователя. Теряя драгоценные секунды, но надеясь за их счет выиграть минуты, Инга останавливается, сдергивает с ног босоножки и продолжает бежать босиком. А сзади уже слышен топот догоняющего мужчины, его шумное возбужденное дыхание тяжело ложится на затылок. До обоняния доносится вонь гнилых зубов, так, как если бы преследователь приблизил мерзкое лицо с крупными гнойными прыщами на заостренном подбородке к ней. Мужчина протягивает руку, чтобы схватить ее за плечо, но Инга успевает увернуться в последний момент, и растопыренные пальцы лишь слегка скользят по коже. О чудо, она бежит уже так легко и стремительно, будто с босоножками сбросила и стреножившие пути. Длинными прыжками достигает угла дома и, свернув за него, оказывается в сквере. Спасена! И лишь пробежав еще десяток метров, замечает, что сквер такой же безлюдный, как и улица. Скорей, скорей пересечь его, выбежать на другую улицу – к людям, закричать, позвать на помощь! Не прекращая бега, Инга оглядывается назад – посмотреть, где находится преследователь, и вдруг при следующем шаге нога проваливается в пустоту... Котлован, строительный котлован, разверзший свою ненасытную пасть, утыканную клыками-арматурой, посреди перерытого сквера! Как она забыла об этом?! Пальцы преследователя хватают ее за плечо, стараясь удержать, но поздно. Инга выскальзывает из рук мужчины, как мгновение спустя выскользнет из жизни, будто из шелковой сорочки. Падение с высоты на прутья арматуры – такой бесславный финал ее жизни. Последний крик, пронзительно отчаянный, рвущий легкие. И долгое-долгое падение...

– Инга, Инга!

Родной голос донесся не из пропасти, а где-то совсем рядом. Но Инга, все еще «падая» в бездну, не отреагировала.

– Да проснись же ты!

Тот, чей голос прозвучал с такими беспокойными интонациями, потряс ее за плечо, и она медленно открыла глаза. Сон и явь, взболтанные, словно вода и масло в одной бутылке, еще не расслоились на две фазы, и в первое мгновение Инге показалось, что чудесное спасение – это продолжение сна.

– Леша?

Вопрос прозвучал с таким недоумением и удивлением, будто она начисто забыла, что гостит в доме Чернова и засыпала, счастливая, на плече Алексея.

– Ну а кто же еще? – буркнул он, зажигая свет. – Похоже, тебе опять приснился кошмар.

Щурясь и моргая, Инга обвела взглядом комнату. Спартанская обстановка – во вкусе Чернова. Минимум вещей – в ее вкусе. Это была *их* спальня, дизайн которой – от цвета обоев до фасона покрывала на кровати – они выбирали вместе, пусть и находясь в разных городах. Активно обсуждали вопросы ремонта по телефону и обменивались ссылками на образцы отделочных материалов по электронной почте. Чернов сам высказал идею оборудовать в своем огромном доме новую спальню, где любая мелочь была бы подобрана в соответствии с их вкусами. И все ради того, чтобы ей было уютно. Втайне Чернов надеялся, что Инга приедет, чтобы остаться, но она согласилась пока погостить лишь месяц – август.

– Это было... ужасно, – пробормотала Инга, имея в виду приснившееся. Поежившись, будто от озноба, подняла упавшую с кровати простыню и закуталась до подбородка.

– Замерзла? – удивился Алексей, обнимая ее за ссутуленные плечи и мягко привлекая к себе. – Но ночь ведь душная!

– Это... от страха.

– Со мной не должно быть страшно, – храбро заявил он. И, изменив тон, с беспокойством поинтересовался: – Что же тебе снится такое ужасное? Уже четвертый раз за неделю бужу.

– Не помню, – соврала Инга. – Просыпаюсь и начисто забываю.

– Это хорошо. Зачем вспоминать?

Она тихо вздохнула: как бы хотелось, чтобы это было так! Чтобы больше не вспоминалось плохое, что случилось с нею. Инга не стала объяснять, что кошмары – это не просто страшные сны, вызванные впечатлительностью. Это часть недавнего прошлого, отражение событий, которые уже произошли, но которые она по-прежнему «проживала» по ночам. Впервые ее кошмары были вызваны уже случившимся, а не предсказывали будущее, как раньше. И слава богу!

Может быть, сны-знаки уже никогда не будут видаться: она потеряла силу и чудесные способности предвидеть будущее. Теперь ей жить, оглядываться на прошлое, каждую ночь встречаться с призраками, которые воскресают в снах и протягивают бестелесные ладони, дышат холодом мертвого дыхания, грозят костлявыми пальцами и скалят зубы в страшных ухмылках. Но это уже не *знаки*, как раньше. Она, прежняя, умерла в той пропасти вместе со своим потенциальным убийцей.

О том, что случилось, Инга никому не рассказала: ни Алексею, ни брату. Даже с невесткой, с которой были доверительные отношения, не стала делиться. Зачем тревожить близких, если все события – уже действительно *пережитое*. Ну а со своими кошмарами она как-нибудь справится. Да и не хватило духу признаться, что повинна в несчастьях, обрушившихся на ее семью. Говорить об этом – значит рассказать и о том, что она лишилась силы, потому что проклятием убила человека. Пусть и негодая, убийцу, насильника, но ведь убила же.

– Давай спать? – с надеждой спросил Алексей, мягко увлекая Ингу обратно в постель. Но она повела плечами, освобождаясь от теплых ладоней, и сказала:

– Леш, я спущусь на кухню. Пить хочется. Да и воздуху глотнуть. Боюсь, сейчас мне не удастся заснуть.

– Я с тобой! – с готовностью приподнялся он.

– Ну что ты как маленький, – засмеялась она. – Куда я от тебя денусь? Спи, я скоро вернусь.

Дом, днем шумный, наполненный голосами, смехом, шелестом шагов, детскими криками, сейчас был погружен в такую непривычную тишину, словно крепко уснул, как и его обитатели. Инга сделала несколько шагов, которые разнеслись по притихшему коридору так громко, будто вместо тапочек на резиновой подошве обута была в деревянные сабо. Она разулась и продолжила путь босиком, на цыпочках. Не раз приходилось ходить по этому дому ночью, но никогда еще тишина не казалась такой глубокой. Может, потому, что на этот раз дом был наполнен дневными звуками куда больше, чем раньше? В таком большом особняке

жил лишь Алексей Чернов со своей девятилетней дочерью Лизой. Но сейчас, помимо Инги, гостили ее брат Вадим с женой Ларисой и маленьким сыном Ванечкой. Леша сам предложил им провести август в его доме на море. После периода неприятностей и несчастий все нуждались в положительных эмоциях и отдыхе. Невестка с радостью откликнулась на предложение вывезти из загазованной столицы на побережье маленького сына. Море было нужно и Вадиму. Да и сама Инга была счастлива провести месяц тут.

Только вот забыть о кошмарах никак не получалось.

Она прошла по длинному коридору второго этажа, на котором располагались спальни – их с Алексеем, Лизы и гостевые, а также кабинет Чернова и библиотека. Затем спустилась по лестнице на первый этаж и зажгла свет в огромной кухне, напичканной современной техникой. Это было царство домработницы и поварахи Нины Павловны, на ночь уходившей к себе домой. Каждый раз, переступая порог, Инга испытывала неловкость за вторжение. Глупость, конечно, Нина Павловна любила ее и простила бы любое нарушение порядка. Но все же она не могла отделаться от ощущения, что хозяйничает на чужой территории, даже самостоятельно наливая чай.

«Хорош дом у Чернова, но даже при большом желании – его, моем или чьем-то еще – я не почувствую себя здесь хозяйкой», – подумала она, поднося к губам чашку. Тут уже была настоящая хозяйка – законная жена Алексея, мама Лизы, умершая от быстротечной болезни. И хотя Леша переделал спальню, принадлежавшую раньше Кристине, в одну из гостевых комнат, чтобы продемонстрировать Инге готовность к новой жизни, все равно она не забывала, что тут был настоящей хозяйкой.

Вопрос, как поддерживать отношения «на расстоянии», был большим и, казалось, нерешаемым. Как и тот, кто к кому переедет. Чернов не мог оставить свой рыбный бизнес, Ингу же многое привязывало к столице. Но после того как чуть не потеряла Алексея, стала задумываться о переезде. Только в его доме продолжала чувствовать себя гостьей – желанной, любимой, но все же гостьей.

Одним глотком она допила остывший чай, сполоснула чашку и поставила ее на место. Ночь – плохое время для принятия решений, сомнения в тишине и одиночестве лишь множатся и растут. На подоконнике Инга увидела пачку сигарет, забытую братом, и потянулась к ней. Раньше она много курила, потом почти бросила, а после всех переживаний вернулась к вредной привычке. Но недавно дала обещание Лизе бросить курить. И почти справлялась! Курила лишь после кошмаров.

Выйдя в теплую ночь, темнота которой была разбавлена подступающим рассветом, Инга села прямо на ступеньку крыльца. Но не просидела и минуты, как услышала за спиной скрип приоткрывающейся двери. Даже не оглянувшись, она поняла, что это Алексей.

– Почему не спишь? – спросила, не оборачиваясь.

– Не могу без тебя, – ответил он, присаживаясь рядом и беря из ее пальцев сигарету. – Как я могу спать, когда ты где-то расстроенная бродишь?

Сделав затяжку, он вернул ей сигарету. Обняв одной рукой Ингу за плечи, Алексей мягко притянул ее к себе. Она прильнула к нему и улыбнулась тускнеющим на светлеющем небе звездам. Какие правда глупости – эти ночные кошмары, которые не предсказывают будущее, а отражают пережитое. Неважно, что там осталось, когда есть настоящее. И будущее – такое, о каком она мечтала.

* * *

Запах и холод сырой земли, круглосуточный сумрак, осклизлые стены, понизу, до высоты полуметра, закрытые досками из необработанного дерева, давали обманчивую надежду, что ее проклятое существование, пожизненное заключение, наконец-то закончилось

и она получила волю – смерть. Но почему тогда продолжает двигаться в этом тесном, похожем на гроб, помещении, натываясь вслепую на стены, обдирая ладони о пробивающиеся кое-где корни растений и шершавое занозистое дерево? Почему чувствуется этот гнилостный запах долгожданного освобождения? Почему ощущается холод, от которого ломит кости и болят суставы – еще одна нескончаемая пытка в этом настоящем аду?

Жива...

Заживо похороненная.

Давно нет различий между днями: будни это или выходные... И ночи слились в одну – с пыткой-бессонницей, с одним и тем же кошмаром, являющимся в короткие моменты забвения. Сколько прошло времени? Годы? Месяцы? А может, здесь вовсе нет времени – в этой адовой вечности. Значит, нет и порога, отделяющего «это» существование от «того». И может, она уже не «тут», а давно «там» – продолжает отбывать свое наказание за совершенное. Навечно проклятая.

А суставы-то болят, как у изношенной жизнью старухи. Может, она уже и есть старуха? И спину гнет, как после тяжелой ноши многолетнего опыта. Или от работы? Их труд тяжел и однообразен. Сторонний, забредя он сюда, решил бы, что узницы заняты на стройке: носят камни, двигают плиты, разбирают старые кладки. Пот ручьем и стоны... Не женский труд. До ночи работают. А утром встанешь, и чудно – все стало так, как и было изначально. И разобранный стена опять стоит, как прежде, и плиты нетронутые лежат... Вдохнешь, и вновь за дело – таскать, разбирать, двигать. Из дня в день. Без изменений. И тяжелее становится от того, что понимаешь бесконечность и бесполезность этой работы. Не камни таскаешь – грехи свои.

Она ни разу за все время «заключения» не предприняла попытки к бегству. Не потому, что было сложно выбраться отсюда, а потому, что заключена была не в тесную комнатушку, а в совершенный грех, обездвиживший ее похлепке ремней и приковавший к месту кандалами проклятия. Она сама – пустая оболочка – стала для себя камерой. Где бы ни находилась. Возможно, со смертью обретет долгожданную свободу. А может, и нет. Как знать, ведь смерть все не приходила...

* * *

– Алиса, идешь? – позвал из спальни муж.

– Нет, я лягу позже, – отозвалась она, стараясь, чтобы голос прозвучал сокрушенно, но внутри испытывая одновременно два чувства – нетерпение и вину. Они стали ее спутниками два месяца назад и сопровождали теперь изо дня в день ночь за ночью.

Муж появился в гостиной и немым укором застыл в дверях. Алиса оглянулась и, увидев, что после вечернего душа он опять переоделся в байковую клетчатую пижаму, незаметно поморщилась. Это была проигранная война: Сережа отвергал все новые пижамы ради этой застиранной, вылинявшей, изношенной. Новые носил ровно столько, сколько требовалось, чтобы любимая одежда высохла после стирки. Алиса каждый раз после глажки подсовывала «убожище», как она презрительно звала комплект, под стопку новых, надеясь, что муж изменит привычке. Но нет, он упорно доставал эту, байковую...

– Сереж, – упрекнула Алиса, красноречивым взглядом окидывая его одеяние. Штаны после многолетних стирок «сбежались» настолько, что стали выше щиколоток. Но даже это не смущало мужа. «Выкину, когда-нибудь выкину!» – подумала она в очередной раз, зная, что без согласия Сережи этого не сделает. Это был первый «интимный» подарок ему еще в пору, когда они встречались. И муж шутил, что пижама ему дорога как талисман, охраняющий их отношения на протяжении шести с половиной лет.

«Талисман», – с горечью подумала Алиса, бросив украдкой взгляд на новенький ноутбук. И устыдилась до румянца, который на бледных щеках наверняка расцвел яркими маками. Такая уж у нее особенность: чуть что – в краску...

Сережа, к счастью, расценил ее взгляд в сторону компьютера по-своему:

– Алис, только недолго. Уже поздно, а тебе завтра на работу.

– Я только еще раз просмотрю отчет, – сказала она. Муж подошел сзади и помассировал ей плечи, а затем поцеловал в затылок.

– Не засиживайся, – вновь попросил он, легонько касаясь губами ее светлых волос, пахнувших яблочным шампунем. И Алисе от этой невинной ласки, которая всегда ей нравилась, захотелось развернуться к Сереже, крепко-крепко обнять его руками за талию и уткнуться лбом в живот, вдыхая свежий «весенний» запах ополаскивателя для белья, исходящий от пижамной рубашки. Поддавшись порыву, она развернулась к нему, но мгновением раньше муж убрал ладони с плеч. И взгляд Алисы застал уже его спину.

– Я постараюсь... не задерживаться, – тихо, с виноватыми нотками, проговорила она. И повернулась к ноутбуку, чтобы выключить его и отправиться за мужем в спальню. Но так и не смогла побороть искушение щелкнуть мышкой по иконке Интернета, чтобы проверить почту.

Ящик был пуст, но не он, «официальный», интересовал ее. Алиса удалила из строки адрес и набрала другой, «секретный». Новый ящик она завела два месяца назад ради того, чтобы зарегистрироваться на одном форуме.

Страница будто специально, чтобы продлить мучения, загружалась очень долго, и Алисе в эти секунды, растянувшиеся до часов, показалось, будто она превратилась в одно заходившееся в заполощном ритме сердце. Томительные мгновения – вот-вот, сейчас-сейчас станет известно, взлетит ли она сегодня и уйдет спать счастливая, с улыбкой на губах, в мир своих сладких, «тайных» снов, или, наоборот, упадет, разбившись об остроугольные камни разочарования. Все зависит от того, окажется ли в ящике заветное письмо.

Пусто. Полет не вверх, а вниз – на те самые камни. И пусть каждый раз она, входя в этот ящик, готовила себя к разочарованию, видеть надпись «У вас нет новых писем» всегда оказывалось больно.

И когда Алиса ранилась об эту надпись, она нажимала на иконку «Избранное» и входила на сайт, теша себя надеждой, что тот, от кого с таким нетерпением ждет сообщений, просто не заходил в Интернет и не видел ее посланий. И хотя часто бывало, что она «видела» его, общающегося на форуме с другими поклонницами, ответа на свое письмо так и не получала. Впрочем, Алиса уже изучила печальную для себя статистику: одно его сообщение приходилось на пять-шесть ее. Уже появилась дурная привычка: почти ежедневно писать длинные письма, в которых она, сама того не желая, рассказывала о своей жизни, описывала события, которые не отличались разнообразием: как прошел день, какие заморочки случились с последним квартальным отчетом, о чем она думала, уходя накануне спать, какой сон ей привиделся... Длинные душевные письма оставались без ответа, а его внимания удостаивались, как ни странно, короткие сообщения, в которых она не раскрывала душу, а просто, к примеру, желала спокойной ночи.

На форуме его не оказалось: похоже, он не заглядывал на сайт со вчерашнего дня.

Эта щекочущая нервы «игра» в «пусто – непусто» затягивала сильнее и сильнее. И Алиса уже впала в зависимость от нее, хотя не отдавала себе в этом отчета. «Все, все, это было последнее письмо ему», – обещала себе после того, как нажимала кнопку отправки. И проигрывала своей зависимости, питавшейся адреналином ожидания. Впала Алиса не столько в зависимость от получаемых писем, сколько от чувств, неожиданно добавивших в ее в общем-то благополучную семейную жизнь остроты, присущей только-только завязывающимся отношениям, но которая с годами брака уходит.

Вот и вчера перед сном она вновь клялась себе, что удалит «секретный» ящик и адрес сайта, а утром с рабочего компьютера уже строчила *ему* новое письмо, в котором рассказывала необыкновенно яркий сон – один из тех, которые иногда снились. Но ответа так и не получила...

Алиса встала из-за стола, но не выключила ноутбук, а открыла «для конспирации», если из спальни неожиданно выйдет Сережа, давно сданный отчет, и отправилась на кухню выпить чаю пополам с надеждой, что за эти пять минут придет долгожданное сообщение. Пока закипала вода в чайнике, она стояла, глядя в темное окно на ясное небо, мечтая, что увидит падающую звезду. И тогда загадает... Загадает, чтобы ей посчастливилось познакомиться с *ним* не просто в переписке, а в жизни. Зачем это надо было, Алиса не знала: семейная жизнь устраивала, заводить роман на стороне не собиралась. И оправдывала свою странную мечту желанием поклонницы увидеть кумира и немного пообщаться.

...Все началось с книги, которую принесла ей подруга по работе Майя. Это был бестселлер одного романиста, уже создавшего себе известность предыдущими публикациями. Произведение было написано от двух лиц – мужчины и женщины, одни и те же ситуации рассматривались с точки зрения противоположных полов. Написанный слишком откровенно, обнажавший женские и мужские пороки и тайные желания, он наделал много шума. Но более удивительным и шокирующим оказался финал, в котором становилось ясно, что рассказ ведут не два человека, а один – рожденный мужчиной, но чувствующий себя женщиной. Романом в равной степени как восторгались, так и критиковали. О нем говорили, писали, его цитировали. А блог и сайт автора Виктора Лучкина стали невероятно популярными.

Алиса не стала исключением. Книгу прочла с большим интересом и еще долго ходила в ночной тишине по квартире, думая о прочитанном. Никогда она не писала писем известным людям, а тут поддалась мимолетному сумасшествию... Зарегистрировалась на сайте и отправила Лучкину сообщение со своими восторгами и размышлениями. И неожиданно получила ответ...

Она очнулась от звука щелкнувшей кнопки электрического чайника, машинально плеснула в чашку заварки, добавила сахару и кипятку. И, оставив чашку, бросилась в комнату к ноутбуку – проверять почту.

Опять пусто. Но не успела Алиса разочарованно вздохнуть, как услышала донесшийся с кухни громкий звук, будто что-то разбилось. Бросившись обратно, она увидела валяющуюся на полу любимую чашку, расколотую на несколько крупных осколков, и еще дымящуюся лужицу разлитого чая.

– Ну вот, – пробормотала Алиса. Ее привязанность к любимым вещам была похожа на ту, с которой Сережа берег свою пижаму. А то, что разбилась одна из парных чашек, из которых они с мужем пили чай, посчитала чуть ли не знаком. Для нее это было почти тем же самым, что для любимого – выбросить пижаму – «хранительницу отношений».

Алиса присела над осколками и смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы, вызванные не столько огорчением за разбитую чашку, сколько разочарованием из-за неполученного ответа. Убирая, она снова клялась себе, что написанное письмо будет последним. Завтра удалит все сообщения и «секретный» ящик. Излечится от дурмана этой странной переписки, дающей недолгую эйфорию с последующей тяжелой ломкой.

Пребывая в своих мыслях, Алиса не сразу обратила внимание на странный звук, доносящийся из коридора, похожий на шлепанье мокрых босых ног по линолеуму. В первый момент машинально подумала, что вышел из спальни так и не дождавшийся ее Сережа, и мысленно порадовалась, что предусмотрительно развернула на мониторе бухгалтерский отчет. Но тут же одернула себя: муж принял душ раньше и к тому же не любил ходить босым по полу, признавал лишь тапки. Медленно распрямившись с совком, в который она собирала осколки, Алиса

бросила испуганный взгляд на полуприкрытую дверь. Звук шлепающих шагов становился все громче, будто некто приближался к кухне. От внезапно нахлынувшего ужаса она так и осталась стоять в неудобной полусогнутой позе с совком в руках.

Шаги раздались возле самой двери и затихли, будто тот, кто шел сюда, остановился в сомнениях, стоит ли продолжать путь. Алиса открыла рот, чтобы закричать, но смогла выдать лишь еле слышимый сип, который сама с трудом слышала. А тот, кто находился за дверью, потоптался с ноги на ногу и решил войти: дверь стала медленно открываться, будто для этого прилагались усилия, сантиметр за сантиметром. И вот Алиса различила чье-то дыхание – частое, какое-то булькающее, словно того неизвестного, кого она еще не видела, открывание двери обессилило.

Это дыхание, как ни странно, привело ее в чувство.

– Сережа! – заорала Алиса что есть мочи. – Сережа-а!

Ее голос от страха сорвался на визг. Но дверь, приоткрытая почти наполовину, остановилась, возникла пауза, показавшаяся бесконечной, а затем вновь раздались шлепающие шаги, только теперь по направлению от кухни.

– А-а-а-а! – продолжала голосить Алиса даже тогда, когда дверь рывком распахнулась и на кухне появился взъерошенный Сергей. В два прыжка оказавшись возле жены, он заключил ее в крепкие объятия и привлек к себе.

– Ну-ну, тише-тише, – пытался успокоить ее муж, поглаживая по распушенным волосам. – Успокойся. Тише... Я поставлю мышеловку, и они тебя больше не нападают.

Однажды Алису до полусмерти напугала неизвестно как оказавшаяся на кухне маленькая мышка. Грызунов она боялась с детства, даже хомяков, а тогда страху добавил еще эффект неожиданности: потянулась на полку за банкой кофе и наткнулась пальцами на что-то мягкое, теплое и меховое. А когда увидела, что это «меховое» – маленький мышонок, едва не грохнулась в обморок от ужаса.

Видимо, Сергей подумал, что жену до истерики вновь довела мышь.

– И откуда они, заразы, взялись? – продолжал вполголоса рассуждать он, ободренный тем, что Алиса в его объятиях почти успокоилась. Только бледная, как кафельная стена, таращилась на дверь и учащенно дышала.

– Сережа, это ты приходил? – спросила Алиса после того, как более-менее отдышалась.

– Куда приходил? – не поняла муж.

– Сюда, на кухню, – пояснила она звенящим, готовым вот-вот вновь сорваться на фальцет голосом.

– Я прибежал на твой крик. Обещаю, что завтра же куплю мышеловку!

– Это не мышь, – почему-то шепотом ответила Алиса и, мягко выбравшись из объятий Сергея, на цыпочках подошла к двери, приоткрыла ее и боязливо выглянула в коридор.

– Ты никого там... не встретил?

– А кого я должен был встретить? – удивился муж, подходя к ней и обнимая за плечи. – Кроме нас, никто в этой квартире не живет. Нет даже животных, если не считать напугавшую тебя мышку.

– Это было... – начала Алиса. Но поняла, что, если расскажет мужу об услышанных шагах, он ей не поверит. Скажет, что послышалось. И напомним, что работать стала допоздна, чем опять заставит устыдиться: засиживалась за компьютером до полуночи Алиса вовсе не из-за работы. Вернее, из-за нее тоже, но не в последнее время.

Впрочем, сейчас она уже сама сомневалась, слышала ли на самом деле те шаги.

– Да, ты прав, похоже, это действительно была мышь, – согласилась. И когда Сережа спросил, долго ли она еще собирается просматривать отчет, ответила, что уже закончила, только выключит компьютер и придет в кровать.

Муж ушел. Алиса, прежде чем выйти из программы, проверила почтовый ящик.

Есть! Есть! Долгожданное письмо. Сгорая от волнения, с громко бьющимся сердцем она навела на него курсор и открыла.

«Спокойной ночи. Береги себя», – всего два коротких предложения. Но даже они, такие нейтральные, безликие, наполнили ее горячей радостью, растопили недавний страх. Странное происшествие на кухне проиграло новыми радостными эмоциями. «И тебе спокойной ночи!» – быстро отстучала она по клавиатуре, решив, что завтра, при дневном свете, когда страхи уже таковыми не кажутся, расскажет *ему* о случившемся.

II

«Тише, тише», – нашептывал прибор, успокаивая мысли, блокируя нехорошие воспоминания, остужая разогретые ими нервы. Утреннее солнце целовало голые плечи, поглаживало невидимой ладонью спину, убаюкивало ласками. И ночные кошмары, которые на фоне темноты казались слишком яркими, в дневном свете, напротив, выцветали.

«Как хорошо, что мы приняли приглашение Алексея!» – в какой раз подумала Инга, переворачиваясь с живота на спину.

Рядом на полотенце с вышитой Белоснежкой лежала Лиза и, как обычно, с упоением читала книгу – толстую, с мелким шрифтом, несвойственным детским изданиям. Значит, опять читает «взрослый» роман, взятый в домашней библиотеке. Книжки для своего возраста десятилетняя дочка Алексея тоже читала, но нередко брала и для старшего. Украдкой, дабы не отвлечь девочку, Инга заглянула под обложку, желая узнать, что же так заинтересовало младшую подругу, и увидела в руках у той томик с новеллами Цвейга. «Ай да Лизка!» – восхитилась Инга и подумала, что стоит подготовиться к вопросам и просьбам разъяснить тот или иной книжный момент. Девочка любила вести с ней «взрослые» разговоры, и, признаться, Инга порой не знала, что ответить. Например, почему Инга и папочка не поженятся. Или не собираются ли они родить Лизе братика или сестричку? Инга незаметно усмехнулась: пусть уж лучше ведет разговоры о книгах. Говорить о ком-то другом, хоть о персонажах книг, давать оценку их поступкам, всегда легче, чем собственным.

Проницательная Лиза, словно прочитав ее мысли, подняла голову и, заложив пальчиком страницу, улыбнулась. При этом на личике нарисовалось хитрое и всепонимающее выражение. Впрочем, недавно выяснилось, что она способна устанавливать «мосты» – настраиваться на волну человека, чувствуя его целиком: читать мысли, «входить» в прошлое, «видеть» настоящее и предугадывать будущее. Эта способность и спасла Ингу совсем недавно. Правда, Лиза еще не научилась управлять своей силой. Были способности, но не хватало знаний.

«Когда ты будешь меня обучать?» – это был один из тех вопросов, на которые Инга не знала ответа. Ей не хотелось заниматься с Лизой. Вообще хотелось, чтобы девочка была обыкновенной. Потому что знала, что такие способности счастья не приносят.

Лиза подмигнула и, слава богу, ничего не спросив, вновь уткнулась в книгу. А Инга нацепила на нос солнцезащитные очки и села.

По другую сторону от нее завозила невестка. Лариса, не отводя тревожного взгляда от моря, вслепую копалась в большой льняной сумке в поисках чего-то.

– Вадим! С ума сошел?! – закричала вдруг она, отшвыривая сумку и вскакивая на ноги, чтобы бежать к морю. Туда, где муж развлекался с их маленьким сыном. Инга проглядела момент, как Ванечка, которому недавно исполнилось год и три месяца, потерял равновесие и с головой ушел под воду. Это и напугало Ларису. Но Вадим уже выхватил из воды сына и высоко поднял его на руках. Ваня даже не успел испугаться, наоборот, оказавшись на такой высоте над водой, рассмеялся.

– Спокойно, Лара! Я же за ним слежу!

– Вижу, как ты следишь, – проворчала Лара, но, однако, села обратно на полотенце. – Утопишь ребенка!

– Я же рядом! И мы не заходим глубоко! Ничего не случится! – прокричал Вадим, опуская сына обратно в воду. Ванечка с восторженным визгом вновь забарабанил кулачками по поверхности, поднимая кучу брызг.

– Ну и вот как с ним спорить? – развернулась Лариса к Инге.

– А ты не спорь, – улыбнулась та в ответ. – Уже должна была понять, что с моим братом спорить бесполезно. Лара, расслабься и отдохни, пока Вадим играет с сыном. Ничего с Ванечкой не случится!

Невестка послушала ее, вытащила из сумки книгу, но, раскрыв, не погрузилась в чтение, а продолжила наблюдать за сыном и мужем.

Инга тоже следила за игрой брата и племянника, но совсем с другими мыслями: не с материнской тревогой, а думая, что, пожалуй, произошедшее с ней, может, и к лучшему. Потеряв свою силу, став обыкновенной, она начнет самую обычную жизнь – счастливую жизнь счастливой женщины. Выйдет замуж за любимого человека, переедет из суматошной столицы обратно в городок своего детства, будет воспитывать Лизу как свою дочь, родит в будущем Алексею ребенка. Пожалуй, такая жизнь ей и нужна. Хватит приключений, из которых она выходит изрядно потрепанной.

Инга вновь скользнула взглядом по брату, который теперь кружил сына над водой. Два голоса – мужской и детский – сливались вместе в счастливом смехе. И сердце сжалось от недавно пережитой боли: а ведь всего этого могло и не быть – радостного смеха Вадима, этого отпуска, в котором они все чувствуют себя счастливыми. И все из-за той ужасной аварии, в которую брат попал накануне их с Ингой тридцатилетия.

Много чего могло бы не быть... От нехоти нахлынувших воспоминаний ее передернуло, и, запрокинув лицо к солнцу, Инга заставила себя улыбнуться: что было, то прошло. Со временем воспоминания утратят свежесть и остроту, место им будет в самых отдаленных уголках чулана-памяти. Она постарается сделать все возможное, чтобы не доставать их оттуда – заплывшие, пахнущие сыростью и плесенью. Напротив, задвинет другими воспоминаниями – об этом солнечном утре, о шепоте моря, о счастливом смехе племянника, о...

– Ой!

И об этой холодной воде, которую только что вылил из ладоней ей на разгоряченный солнцем живот незаметно подкравшийся Алексей, тоже будет помнить. Инга вскочила на ноги и погналась по побережью за ним, улепетывающим по песку. Всемогущий Чернов, рыбный барон, как окрестили его в городе, убегал с проворностью озорного мальчишки, иногда оглядываясь и показывая язык. Если бы его сейчас увидел кто-нибудь из деловых партнеров, да и просто жителей, изумился бы до немоты. Леша не все дни мог находиться с гостями и дочерью: работа отнимала много времени. Он предпочитал все рабочие процессы контролировать лично. Не гнушался и простыми разговорами с рыбаками, чтобы узнать, все ли хорошо в командах, есть ли какие недовольства, просьбы. И брал это на заметку. О наемном персонале суровый и жесткий Алексей пекся как о братьях родных. «У них же в семьях детишки подрастают!» – так говорил он о рыбаках.

После пляжа они всей компанией зашли в известное на весь городок кафе-мороженое и съели по хорошей порции кто пломбира, кто фруктового шербета. Хотя знали, что это вызовет ворчание домработницы и поварихи Нины Павловны.

– Только чтобы домработницу не обижали! – громыхнул Чернов, когда Лиза выразила желание съесть добавки и к девочке присоединился Вадим.

– Съедем все, что наша Нина Павловна приготовит, – покивал Вадим. – Леш, ты тут живешь, и тебе это мороженое таким вкусным, как нам, не кажется. А мы с Ингой... сколько уже в столице живем? С семнадцати лет. Тринадцать, значит? Так вот, мы с Ингой уже тринадцать лет такого вкусного мороженого не пробовали. Вкус детства!

– Да ну, не верю, – покрутил круглой головой Алексей. – Не верю, чтобы в ваших столицах не было такого мороженого.

– А ты приезжай, сам убедишься! – не растерялся Вадим и хитро подмигнул сестре. Инга как-то поделилась с ним мыслями о переезде, и брат, хоть всячески и поощрял ее отношения

с Черновым, идею эту принял без энтузиазма. Знал, что сестра в океане столичной суеты чувствует себя куда комфортней, чем в тихой реке провинциальной жизни. И надеялся, что ее избранник облюбует Москву.

– А вот и приеду! – отозвался Алексей с задорным блеском в глазах-крыжовниках. Положив тяжелую ладонь на плечо сидящей рядом Инге, привлек ее к себе и стиснул в медвежьих объятиях.

«Выйду замуж, рожу ребенка...» – мечтательно подумала она. И правда, зачем жить с этим отравляющим счастьем ощущением, что ее ожидает наказание? Прошло столько времени, и ничего плохого не случилось, наоборот, все налаживается. Так хватит жить с оглядкой!

* * *

На работу Алиса проснулась позже обычного. По вторникам Сережа выходил из дома на час раньше, чтобы успеть на летучку, которые раз в неделю устраивал шеф. Перед уходом он заходил в спальню, чтобы разбудить жену. Так было и сегодня, но вместо того, чтобы сразу встать, Алиса прикрыла глаза и... вновь уснула. А когда открыла, увидела, что до выхода из дома осталось пятнадцать минут. Проворно вскочив, она заметалась по квартире, одновременно одеваясь и завтракая куском хлеба: на приготовление бутерброда уже не было времени. Торопливо умылась, завязала волосы сзади в длинный хвост (слава богу, ее прическа не требовала ухищрений!), припудрила нос, нацепила очки в тонкой оправе, одернула офисную юбку из серой легкой ткани, подхватила портфель, накинула пиджачок – хоть и лето, но по утрам прохладно – и выскочила за дверь. Минута в минуту.

Когда она ждала лифт, за спиной раздался какой-то шум. Алиса оглянулась и с удивлением увидела, что в замке соседней квартиры ковыряется женщина. Алиса знала, что из трех квартир на площадке заселены лишь две: та, которую они с Сережей снимали, и которая находилась дальше от лифта. О том, что одна из квартир (ближайшая к их) пустует, узнала из разговора с соседкой – пожилой женщиной, дочь которой проживала в другом районе и иногда на выходные привозила внука. Все остальное время Надежда Петровна жила одна. Скучала, развлекала себя просмотром сериалов. Встречаясь иногда с Алисой и Сергеем на площадке, обменивалась с ними короткими разговорами. По-стариковски сетовала на здоровье, рассказывала о внуке. И как-то обмолвилась, что третья квартира пустует.

И вот возле этой квартиры крутилась женщина: густо накрашенная, со взбитыми в пышную прическу ярко-рыжими волосами, одетая в красный деловой костюм. «Может, хозяйка?» – подумала Алиса. «Или агент», – сделала она поправку на деловой костюм.

Алиса вежливо поздоровалась и посторонилась, желая пропустить женщину к лифту. Но незнакомка, не удостоив ее и взглядом, направилась сразу к лестнице. Ступала она неровно, неженственно, косолапя ступни в туфлях на шпильке и не разгибая полностью ноги в коленях, словно ходить на высоких каблуках ей было непривычно. «Чего тогда в них обулась?» – подумала Алиса и вошла в открытые двери лифта.

Метро, десятиминутная прогулка, и она подошла к кирпичной пятиэтажке, прячущейся в зелени роскошных крон. Поднимаясь по ступеням крыльца, Алиса вспомнила, что главный бухгалтер сегодня полдня проведет в налоговой, и повеселела. Можно спокойно начать день с чашки чая. Обычно Алиса переступала порог комнаты, которую делила вместе с главным бухгалтером, и тут же, не успев снять верхнюю одежду, проваливалась в рабочую рутину. Ее шефиня не давала отдышаться после дороги и привести себя в порядок. Алиса подозревала, что главбух приезжала в офис на рассвете. Услышав скрип приоткрывающейся двери, Лидия Семеновна коротким кивком приветствовала Алису и, не успевала та и рта открыть для ответного приветствия, уже озвучивала приказания. Алиса поначалу наивно полагала, что, если будет

приезжать на полчаса раньше, у нее будет время привести себя в порядок, сбегать в уборную и выпить чашку чая. Но Лидия Семеновна не делала никаких скидок на то, что рабочий день еще не начинался. Возмущаться было бесполезно. «Деточка, – начинала «воспитательную беседу» главбух, глядя на Алису поверх очков. – не забывайте, что вы тут ради...» Ради чего она тут, Алиса предпочитала уже не слушать – и так прекрасно знала: зарплату ей платили неплохую, Лидия Семеновна, несмотря на свою вредность и занудность, многому ее учила. Одним словом, фирма была хорошей стартовой площадкой.

Так что, вспомнив, что сегодня Лидии Семеновны полдня не будет, Алиса значительно повеселела и в офис вошла, радостно напевая под нос.

– Зайцева, я тебя жду-жду! – выскочила из-за угла Майка. – Шефа сегодня не будет, а твоя мырма в налоговую усвистела, так что пошли скорей пить чай! Я по такому случаю даже пирожных купила!

Подруга работала помощницей генерального директора, так что знала обо всех событиях, происходящих в офисе. А так как она еще вела тетрадь, в которой сотрудники отмечали свои приходы и уходы, то была в курсе, кто на месте, а кто отсутствует.

Глядя на то, как Алиса снимает и убирает в шкаф пиджачок, Майка от нетерпения приплясывала на месте и притопывала ножкой, обутой в туфлю на высоченной шпильке. Эффектная чернобровая и черноокая красавица с шикарной гривой густых вьющихся волос, она вызывала восхищение у мужчин и зависть у женщин. На ее фоне Алиса с ее бледной кожей, светлыми глазами, почти невидимыми бровями и бескровными губами «выцветала» еще больше. Алиса украдкой глянула на себя в навесное зеркало и тихо вздохнула: волосы невнятного «мышинного» оттенка красивыми даже с натяжкой не назовешь. Были они тонкими, мягкими, укладку держали плохо, поэтому Алиса, не мудрствуя, гладко зачесывала их в хвост. Зеркало отразило еще круги под глазами, потому что из-за спешки она не успела наложить макияж.

– Что-то ты сегодня бледновата. Не заболела? – добила ее Майка.

– Пропала.

– А-а. Ну прости, прости, – ухмыльнулась язва Майка. И горделиво потрянула шикарной гривой. – Ты идешь или и дальше будешь любоваться на свое отражение?

– Иду, – процедила Алиса, еле сдерживая завистливый вздох.

– Между прочим, предложение отвести тебя к моему парикмахеру остается в силе, – заметила, не оглядываясь, Майка. – Она с твоими волосами может сотворить чудо.

– Чудо свершится, если мои волосы внезапно станут в три раза гуще. Но это из раздела фантастики, – вздохнула Алиса, усаживаясь на один из стульев, стоявших в приемной генерального директора.

Подруга неторопливо воткнула в «гнездо» трубку радиотелефона, которую всегда брала с собой, если уходила с рабочего места. И нажала клавишу электрического чайника.

– Моя парикмахерша, конечно, волос тебе не добавит, но может подстричь так, что создастся визуальный эффект густых волос. А также покрасит в приличный цвет. В общем, из моли превратит в яркую бабочку.

Алиса, зная остроязычную и прямую Майку, на «моль» уже не обиделась. А что обижаться, если она сама себя такой считала? Без косметики от стены не отличишь, а краситься Алиса не любила.

– Еще бы косметику тебе поменять. А то пользуешься розовой помадой, которая тебя простит. И то от случая к случаю, – подруга снова угадала мысли. – Давай после зарплаты проедемся по магазинам, я тебе подберу кое-что из косметики.

– Посмотрим, – последовал уклончивый ответ. Если принять Майкину помощь, то рискуешь остаться без копейки. Подруга привыкла пользоваться дорогой косметикой: Алиса видела в ее косметичке лишь одни «шанели» и «диоры». В сторону бюджетных марок Майка и не

глянет. Алиса же считала, что ни лак для ногтей, ни помада не должны стоить бешеных денег. Можно обойтись продуктом и куда дешевле.

– Моя близкая подруга Лара тоже считала себя невзрачной молью. Хотя, на мой взгляд, таковой не является. Натуральная блондинка, глазищи огромные, голубые. Так ведь нет же, «моль», и все. И что? Вышла замуж за такого крутого парня, что я ахнула, – закатила глаза Майка. – А у меня, ты знаешь, в женихах таа-а-акие банкиры и бизнесмены ходили...

О своем бурном прошлом подруга любила рассказывать не стесняясь. Сейчас же Майя была замужем за простым следователем, в котором, с ее слов, все было хорошо, кроме зарплаты.

– У меня уже есть муж. И других романов не надо, – заметила Алиса.

– Не надо? – прищурилась Майка. – А чего тогда так покраснела?

Алиса чертыхнулась про себя и принялась снимать с коробки с пирожными целлофановую пленку.

– Он опять написал? – жадно спросила охочая до всяких историй Майка. Ее темные глаза уже заблестели в предвкушении новой порции «сериала». Она придвинула стул поближе, села на него, грациозно поставила локоть на стол и, подперев ладонью склоненную набок голову, выжидающе замолчала.

Алиса помедлила с ответом. Отомстить ли подруге, промолчав? Но ее саму распирало от желания обсудить короткий привет, присланный писателем, так что «мечь» ограничилась лишь этой паузой, в которую Майкино любопытство достигло критической точки.

– Ну, написал, – с нарочитой небрежностью обронила Алиса, разливая по чашкам кипятка.

– И? – нетерпеливо поторопила подруга.

Алиса не спеша размешала сахар в чашке, выбрала пирожное, откусила, прожевала и после этого подняла на умирающую от нетерпения Майку глаза.

– Пожелал спокойной ночи.

Разговор оборвал неожиданно вошедший в кабинет без стука генеральный директор. Коротко, с хмурым видом поздоровавшись с сотрудницами, он красноречивым взглядом окинул развернувшееся «пиршество» и многозначительно поднял брови.

– Андрей Витальевич, чай будете? – засуетилась Майка. Шеф мотнул головой, отказываясь. И прежде чем пройти к себе, попросил подчиненную зайти к нему через пять минут.

– Все, сворачиваемся, – шепнула, все поняв, Алиса. – Освободишься – заходи ко мне. Пока «моя» не вернулась.

Майка пообещала зайти. Но день у них обеих выдался таким насыщенным делами, что увиделись они лишь раз и мельком.

* * *

Вечер неожиданно оказался свободным. После ужина брат с женой и сыном ушли в свою комнату отдыхать. Лиза закрылась у себя с книгой. Алексей, виновато потоптавшись перед Ингой, сообщил, что ему нужно поработать.

– Иди, иди, рыбный барон! – рассмеялась она, в шутку подталкивая его в сторону его кабинета. – Знаю, что ты на работе женат.

– Хотелось бы на тебе, – пробормотал Алексей, кладя широченную ладонь на дверную ручку.

– Боюсь, даже если будет так, то мне все равно достанется роль второй жены. Первой будет работа, – отшутилась Инга. – Обо мне не беспокойся, я найду, чем себя занять. Почитаю в библиотеке.

Алексей пообещал, что не будет задерживаться, лишь просмотрит отчеты и проверит статистику. Инга не стала вникать в детали его работы, поднялась на цыпочки (хоть она и была высокой, он был гораздо выше ее) и поцеловала его в губы. Алексей неловко сгреб ее в медвежьи объятия и от чувств стиснул с такой силой, что у Инги перехватило дыхание.

Уже когда он вошел в кабинет, ей подумалось, что шутка насчет первой и второй жены прозвучала неуместно. Первой женой была Кристина, мама Лизы. Инга мысленно обругала себя, но что сказала, уже сказала. Развернувшись, вошла в соседнюю с кабинетом дверь и оказалась в библиотеке. И хоть она бывала тут не раз, все равно, переступая порог, с восхищением и трепетом замирала в дверях. Эта библиотека была приданым Кристины и собиралась на протяжении поколений. Инга прошла вдоль стеллажей из дорогой древесины, стилизованных под старину (вначале она думала, что шкафы, как и фолианты, были такими же старыми, но потом Алексей сказал, что их сделали на заказ). Здесь были собраны и современные книги, которые покупала Кристина, и старые, изданные еще при жизни классиков. Настоящая сокровищница! Инга отлично понимала Лизу, которая любила тут бывать. Ей вообще хотелось поселиться в этом книжном храме. Здесь она еле удерживалась от того, чтобы не ходить на цыпочках, дабы не потревожить покой святынь. Лиза как-то рассказала, что ей кажется, будто книги разговаривают – едва слышно. Если вслушаться в тишину и прикрыть глаза, можно услышать еле различимый шепот. Вспомнив слова девочки, Инга так и сделала: остановилась между двух стеллажей и, положив ладонь на один из переплетов, прикрыла глаза.

Но вместо истории, «рассказываемой» книгой, ей вспомнилась совсем другая – ее собственная, когда она чуть более года назад впервые оказалась в доме Чернова. С тех пор в библиотеке почти ничего не изменилось, только убрали раму из-под разбитого зеркала. За это воспоминание, как одна шестеренка часового механизма за другую, зацепилось следующее. И Инга невольно провела параллель между тем своим приездом и настоящим. Тогда она приехала сюда *бессильная*, опустошенная, но ее сила восстановилась благодаря любви.

Сейчас не тот случай. В этот раз она сама уничтожила себя, проклятием убив человека. Пусть и преступника, но это не снимает с души греха. Не должна она была обращать свои способности, свою силу во зло. Об этом не раз говорила бабушка – известная в прошлом ведунья, напоминала и через сны, что сила дана ради того, чтобы творить добро.

Вот тебе и «шепот книг»... Инга резко открыла глаза, потрясла головой, будто пытаясь вытрясти все нехорошие мысли. Что это она, в самом деле? Дар не приносил ей счастья. Так, может быть, сейчас, когда она потеряла силу, стала «обыкновенной», ей дан второй шанс? Шанс на счастливую жизнь – выйти замуж, родить ребенка... И не думать о том, сколько ей отведено – много ли, мало. Не гадать, что, может, лишь дана отсрочка. Не думать об этом...

Она схватила первую попавшуюся книгу и, не глянув на обложку, уселась за массивный стол.

– Так и знал, что ты здесь! – раздалось вдруг над ухом, когда Инга открыла первую страницу. От неожиданности она вздрогнула и подняла взгляд. Но вопреки ожиданиям увидела не Алексея, а брата.

– Я думала, что вы уже спать легли, – ответила ему, закрывая книгу. Вадим прошел к столу, отодвинул второй стул и сел напротив.

– Лара уснула в обнимку с Ваней. А я отправился на поиски тебя.

– Соскучился? – усмехнулась Инга. – Быстро же.

Волна нежности затопила ее, когда она рассматривала брата. Хоть они порой и спорили, иногда даже по-крупному, отношения между ними всегда были близкими. «Между нами особая связь» – так говорила Инга. Вадим не возражал. А как же иначе, ведь они были двойняшками. Инга едва сдержала порыв ласково пригладить взъерошенные светло-русые волосы брата. То, что они выгорели на солнце почти до льняного цвета, возвращало ее в другие воспоминания, счастливые, об их детстве, проведенном в этом городе.

– Я с тобой поговорить хотел, – серьезный тон Вадима окатил ее, разомлевшую от теплых мыслей, будто холодной водой. Серые глаза, казавшиеся сейчас стального цвета, смотрели в упор, так, что Инге теперь уже захотелось ответить: «Слушаю!» – как начальнику. Ох, видимо, руководящая должность в банке накладывает отпечаток на поведение Вадима и с близкими.

– Что с тобой происходит? – без всяких вступлений спросил он. И чуть опустил голову, глядя теперь уже не прямо, а немного исподлобья, что, однако, несколько не смягчило взгляда. Напротив, теперь казалось, будто Вадим сканирует ее мысли.

– А что со мной происходит? – ненатурально засмеялась Инга. – Ничего! Кроме того, что я счастлива, отдыхаю, наслаж...

– Не обманывай, – перебил брат. – Я тебя отлично за тридцать лет изучил. И вижу, что-то происходит, что-то мешает тебе наслаждаться отдыхом, держит в напряжении и, я бы сказал, пугает! Ты как будто живешь с оглядкой, в любой момент ожидая, что из-за угла на тебя выскочат с ножом. Так ведь?

Инга невольно поежилась: как точно выразил брат то, что с ней происходит!

– Не ври, что с тобой все в порядке. Допускаю, тебе не хочется об этом говорить. Но я подозреваю, что не все так безоблачно, как ты хочешь нам представить. Да и Леша сказал, что ты в четвертый раз за эту неделю просыпаешься от кошмаров.

– Это он попросил тебя со мной поговорить?

– Нет. Я сам. Зачем ему меня просить, если я и сам вижу, что с тобой что-то не так? Что тебя, красавица наша, так тревожит, что является в ужасных снах? Опять твои знаки-символы?

– Нет, – вырвалось опрометчиво у Инги. Даже брат не знает, что она утратила силу. И что «знаки» в виде предчувствий и вещих снов ее больше не посещают и, видимо, посещать не будут. Даже с бабушкой утрачена «связь». Инга вообще перестала видеть сны, кроме кошмаров, отражающих минувшие события.

– Я уже и не помню, Вадим, что мне снилось, – неловко соврала она. – После пробуждения тут же забываю.

– Однако... – покачал головой брат. И не было понятно, качает ли потому, что не верит ей и осуждает за ложь, или потому, что встревожился.

– Вадим, не бери в голову! Ничего страшного со мной не происходит! Это... Это мои женские страхи и сомнения.

– Сомневаешься в Чернове? – нахмурился он и даже придвинулся ближе, так, что его грудь соприкоснулась с краем стола. – Не можешь до сих пор забыть его помутнение?

– Нет-нет, Вадим! Не это! Я знаю, что между Алексеем и Аллой ничего не было. Это... Так, несерьезное происшествие, которое даже интрижкой не назовешь.

– И все же после такого «несерьезного происшествия» ты чуть окончательно не порвала с ним!

– Но простила же.

– И правильно сделала. Я верю в Чернова. Верю ему. Он настоящий мужик! И если бы ты вышла за него замуж, я был бы спокоен.

– Не предлагает, – рассмеялась Инга, постаравшись, чтобы смех прозвучал беззаботно. Однако брат уловил в нем плохо скрываемую горечь.

– Так он не знает, как к тебе подступиться! Ты же все его попытки в самом начале пресекаешь! Между прочим, Леша сказал, что собирается купить квартиру в Москве ради того, чтобы не расставаться с тобой.

– Когда это он так сказал? – удивилась Инга.

– Да еще когда я в больнице лежал. Кстати, именно в тот день, когда ты сказала мне, что думаешь переехать из Москвы сюда.

– Надеюсь, ты не проговорился Алексею о моих планах? Потому что я еще не решила. Это-то меня и гложет...

– Понятно. Значит, в кошмарах ты видишь, как продаешь свою шикарную квартиру в Москве и въезжаешь в маленькую покосившуюся времянку в этом поселке. Угадал?

– Почти, – улыбнулась Инга и встала со стула. – Вадим, пойдем лучше в свои комнаты. Мне хочется спать. Похоже, Чернова я так и не дожусь: если он увлекается статистиками, подсчетами и еще бог знает чем, то забывает обо всем на свете. Это еще один мой кошмар: оказаться в ЗАГСе с дурацкой фатой на голове и в одиночестве, потому что Чернову ничего не стоит забыть день бракосочетания. Он же со своими рыбешками обвенчан!

– Ладно, не утрируй, – проворчал Вадим, поднимаясь следом за ней.

Когда они, пожелав друг другу спокойной ночи, собирались разойтись, он вдруг сказал:

– Сегодня тебе удалось увести разговор в другую сторону. Когда решишься, я выслушаю.

– Но я... – попыталась возразить Инга. Но Вадим, повернувшись спиной, лишь махнул рукой.

– Вадим! – предприняла она еще попытку.

– Спокойной ночи! Без кошмаров, – пожелал он, мельком оглянувшись. И направился к комнате, в которой остановился с женой и сыном.

III

Алиса вернулась домой первой. Сергей позвонил в тот момент, когда она выходила из метро, и сказал, что придет поздно.

Еще совсем недавно то, что муж задерживается на работе, огорчило бы: Алиса не любила находиться дома одна. Не потому, что одиночество пугало, просто без Сережи ей было неуютно и скучно. Хотелось прильнуть щекой к его плечу, сомкнуть пальцы в замок на его спине, прижаться так крепко, чтобы чувствовать стук его сердца. Когда она находилась дома одна, начинала скучать по мужу с тоской оставленного на целый день в пустой квартире котенка: то и дело поглядывала на мобильный в надежде, что Сережа пришлет ободряющее сообщение. Он часто так делал, когда задерживался. Квартира, которую они снимали, большой не была, хоть и состояла из трех комнат. Одна из комнат-клетушек по прихоти хозяев стояла запертой, и в распоряжении жильцов были другая спальня, гостиная со старой, еще советского образца, мебелью, тесная кухня, совмещенный санузел и прихожая размером в два шага. Но и в такой небольшой квартире Алиса чувствовала себя одинокой. Слонялась из кухни в гостиную в ожидании Сергея, делая машинально мелкую домашнюю работу и постоянно думая о нем. Так было еще до недавнего времени.

А сейчас звонок мужа, что он задерживается, обрадовал ее. Алиса устыдилась и торопливо, будто заматывая следы, постаралась «соскучиться». Но мысли о нем не поглотили ее всецело, как бывало еще совсем недавно. Вначале они прерывались другими, будто короткими радиопомехами. Потом те, другие, «завучали» постоянным фоном, а когда Алиса входила в квартиру, ею всецело завладевало одно желание – поскорей включить компьютер и проверить почту.

Не снимая летних туфель, прямо с сумочкой в одной руке, с перевешенным через локоть пиджаком она бросилась в гостиную к оставленному на столе ноутбуку. И пока загружалась программа, в нетерпении приплясывала рядом со столом.

Она понимала, что письма быть не должно: вчера уже получила от него короткое сообщение. Но все же надеялась на маленькое чудо. Однажды он спросил, может ли использовать ее рассказ о сне? Алиса с восторгом согласилась и спустя какое-то время действительно увидела небольшой текст, выставленный на общее обозрение. Ее история, выписанная рукой Лучкина, ограниченная и украшенная, заиграла бликами. Автору удалось из пустой породы извлечь драгоценный камень. Этот день запомнился ей как один из самых счастливых.

...Конечно же, ящик оказался пустым. Алиса, все еще находившаяся под опием фантазий, испытала такое огорчение, в сравнении с которым объявление об урезании квартальной премии показалось бы сущим пустяком. Она присела на стул, вошла на сайт писателя и, увидев, что он утром оставил несколько ответов на форуме, испытала в дополнение к огорчению еще и странную ревность.

Спыхватилась Алиса, что все еще сидит обутая, с сумкой в одной руке, лишь после того, как прочла все новые сообщения Лучкина на сайте. Этот человек привлекал внимание еще и своей загадочностью: несмотря на бешеную популярность, он сторонился различных мероприятий. Светские вечеринки, на которые его активно зазывали (оставляя приглашения прямо среди других сообщений на форуме), его не интересовали, он даже не удосуживался ответить отказом. Автограф-сессий, на которые так надеялась Алиса, не проводилось – по прихоти ли издательства, желающего сыграть на таинственности, либо из-за нежелания самого автора выходить на публику. Интервью он тоже давал редко, а если давал, то разговор каждый раз велся вокруг книг. Но Лучкин, никого не пускавший в свою частную жизнь, умел создавать у поклонниц ощущение присутствия друга. Когда Алиса рассказала Майке об этом, подруга скептически хмыкнула и предположила, что за писателя «отписывается» администра-

тор. Но Алиса придерживалась иного мнения: во фразах, лаконичных, но наполненных глубоким смыслом, касающихся нужных точек, прослеживался фирменный стиль автора и его мастерское владение душевной акупунктурой. Нет, с поклонниками общался сам Лучкин.

На сайте была вывешена фотография, та самая, которую поместили на обратной стороне книги. И хоть с каждой страницы романов сочился жизненный опыт, присущий старику, с фотографии глядел молодой мужчина лет тридцати, довольно располагающей внешности – с таким светлым ликом, святым сиянием в глазах и открытой улыбкой, что ему и правда, как батюшке, хотелось исповедоваться.

И он исповедовал. Не в частной практике, которую, по слухам, оставил (где-то мелькнула информация, что Лучкин был по образованию психолог). А прямо там, на форуме, отвечая на длинные истории, которые ему доверяли, короткими, но попадающими в цель фразами. В его интернет-келью несли душевные переживания, будто больные свои хвори к целителю. И Лучкин парой точных фраз если не излечивал, то приносил облегчение душам.

Помимо той официальной фотографии писатель выложил несколько домашних. Вот он на даче, одетый в простые треники и застиранную футболку, разводит костер, а неподалеку, на деревянной некрашеной скамье, дожидаются своего часа нанизанные на шампуры сочные куски мяса. Вот писатель, облаченный уже в джинсы и толстовку, выгуливает свою собаку совсем не элитной, как хотелось бы приписать «звезде», породы. Но в глазах пса, где писатель обнимает его за шею, сквозят те же ум и мудрость, что и у хозяина. А вот и вовсе умиляющая поклонниц фотография Виктора с запеленатой малышкой на руках. Подпись к снимку гласит, что это дочь близких друзей. Были ли размещены эти фотографии потому, что писателю просто захотелось явить публике часть личной жизни, о которой он не рассказывал в интервью, но в которую позволяли заглянуть эти снимки, или это был точный расчет, согласованный с пиарщиками, мало кто из поклонниц задумывался. Главное, что воздыхательницы не оставляли без внимания ни один снимок, судачили, охали, строили домыслы, признавались в любви. Говорили о кумире. И сметали его книги.

– Сумасшедшая, какая же я сумасшедшая, – прошептала Алиса, прикладывая ладони к горевшим щекам. Что-то мешало, и она, опустив глаза, увидела, что до сих пор держит на локте смятый пиджак. – И правда, сумасшедшая...

Алиса повесила пиджак на спинку стула, выключила ноутбук и отправилась в ванную.

Разглядывая в зеркале лицо с покрасневшими щеками, которые на фоне общей бледности кожи казались такими яркими, будто намазанными ягодным соком, она решила, что сейчас даже хорошенькая. Приглушенный свет в ванной комнате смягчал линию заостренного подбородка, скулы сделал не такими резкими, замаскировал мелкие недостатки кожи. Алиса выпустила волосы и тряхнула ими. Ну и что, что у нее не такая шикарная грива, как у Майки... Она взяла в руку прядь мягких и тонких, как у ребенка, волос. Может, и правда послушать подругу и отдаться в руки рекомендованного парикмахера? Ей внезапно захотелось перемен во внешности. Алиса умыла лицо и порылась в ящике в поисках какого-нибудь чудо-средства, способного в одно мгновение превратить ее из блеклой девицы в яркую красотку. Но нашла лишь забытый пакетик с глиняной маской, купленный в подземном переходе.

Когда она накладывала на лицо разведенную водой глину, из коридора раздался шум, похожий на металлический лязг. Короткий, будто кто-то поставил на пол тряпичную сумку с инструментами.

– Сережа? – позвала Алиса, выглянув из ванной. – Сереж, это ты?

Не дождавшись ответа, она решила, что шум раздался от соседей сверху: в ванной слышимость была куда лучше, чем в других помещениях квартиры. Алиса спокойно домазала лицо глиной и, похожая на спецназовца, вышла из ванной. За компьютером она потеряла много времени и теперь торопилась наверстать упущенное, чтобы успеть к приходу мужа разогреть приготовленный вчера мясной гуляш и отварить макароны.

Шум, похожий на тот, что она услышала в ванной, раздался в тот момент, когда Алиса распечатывала пакет с макаронами. От неожиданности рука дрогнула, и в кастрюлю ухнуло почти все, что было в пачке.

– Вот же ж... – выругалась она и торопливо выглянула в коридор. Стук, который ей помешал, раздался так четко, будто кто-то уронил что-то металлическое не у соседей, а у нее в квартире. Оглядев пустую гостиную, Алиса постаралась успокоиться. Но из запертой комнаты следом донеслось вначале тихое, но постепенно нарастающее металлическое лязганье, как если бы кто-то точил один нож о другой.

– Кто там?!

Полумертвая от ужаса, не отдавая отчета в своих действиях, она подкралась к нежилой комнате и нажала на ручку, но дверь не открылась. Тогда Алиса навалилась на нее плечом, а когда попытка открыть дверь не увенчалась успехом, затарабанила кулаком. Лязгающий звук смолк, но вместо него раздался звук тихих шагов. Будто некто, находящийся в комнате, на цыпочках подошел к двери по ту сторону и тоже, как Алиса, прислушался.

– Эй! Кто там?! – истерично выкрикнула она и вновь стукнула в дверь кулаком.

– Ня-ня-ня, – послышалось тихое напевание, похожее на «пение» маленького ребенка. Алиса взвизгнула и, не помня себя от страха, понеслась к входной двери, чтобы выбежать на улицу. В коридоре она вдруг столкнулась с чем-то крепким и теплым.

– Ого, вот это радость, – весело прокомментировал муж. Но Алиса, напуганная теперь еще и неожиданностью столкновения, завизжала и забилась в его объятиях.

– Лиса!

Сокращенное от имени прозвище, данное мужем, привело в чувство. Алиса резко обрвала визг и расширенными от страха глазами уставилась на Сергея. Тот глядел с тревогой в янтарного цвета глазах. Высокий из-за ранних залысин лоб прорезали три морщинки беспокойства, рот с по-женски пухлыми и яркими губами приоткрылся, будто Сергей собирался что-то сказать, но в последний момент передумал. Рассматривая такое родное лицо, в котором каждая деталь была знакома – и симпатичные веснушки на широкой переносице, и маленькая родинка в левом уголке рта, и небольшая сосудистая «звездочка» на правой щеке, и едва заметный шрам размером в половинку копеечной монеты на виске, – Алиса постепенно приходила в себя.

– Что случилось?!

Она, часто дыша через приоткрытый рот, лишь смогла помотать головой. Всклипнула и, забыв про засохшую на ее лице коркой глиняную маску, уткнулась в плечо мужа и заплакала.

– О господи, – уже не на шутку испугался Сергей. Подхватив невесомую для него жену на руки, он прошел в гостиную и усадил Алису на диван.

– У нас кто-то умер? – брякнул он первое, что пришло в голову.

Она помотала головой и вытерла кулаками глаза. Но сделала лишь хуже, потому что размякшая от слез глина теперь попала в глаза. Алиса чертыхнулась и бросилась в ванную умываться. Недоуменный взгляд мужа, которым он посмотрел вслед, остался ею не замеченным.

Вернулась она из ванной уже более-менее успокоенная, с чистым розовым лицом. Сергей все сидел на диване и рассматривал черные от глины пятна на белоснежной рубашке.

– Не волнуйся, это легко отстирается, – сказала Алиса хрипловатым голосом.

– Так что у нас случилось? За тобой будто... черти гнались.

– Возможно, – ответила без улыбки Алиса. Муж попытался разрядить обстановку шуткой:

– Успели испачкать твоё лицо, а дальше ты уже не далась?

– Сереж, что находится там, в запертой комнате? – проигнорировав шутку мужа, спросила Алиса. Он пожал плечами:

– Не знаю. Возможно, какой-то хлам, ненужные хозяйские вещи. А что?

– Мне кажется, там кто-то живет!

– Мыши?

– Мыши не могут ронять на пол что-то тяжело и металлическое, шлепать, как человек, ногами по полу, напевать детским голоском песенки.

– Что ты такое говоришь?

– То, что в той запертой комнате кто-то есть!

Долгая пауза, которая повисла вслед за ее выкриком, красноречивей слов показала, что думает по этому поводу Сергей.

– Ты мне не веришь... – с горечью сказала Алиса, опускаясь на диван рядом с мужем и свешивая руки между колен. Сергей не любил, когда она принимала такую позу. Это означало, что Алиса обижена почти до смерти и что виноват в этом он – бесчувственный пень.

– Лиса, – начал Сергей, обнимая ее за плечи, по опыту зная, что оставлять жену обиженной чревато: тихая обида разрастется до бурных рыданий.

– Сереж, я не сумасшедшая, – совсем уж нелогично заявила Алиса.

– А я этого не сказал. Я вообще ничего не сказал. Это плохо?

– Это очень плохо, – улыбнулась вдруг она и прижалась к нему. – Лучше бы ты сказал, что я сумасшедшая...

– Так что все же произошло?

Вздыхнув, Алиса рассказала и о том, что случилось, и о шагах, напугавших ее вчера.

– Мне бы хотелось заглянуть в комнату. Может, там есть какая-то дверь, ну, например, ведущая в соседнюю квартиру? И кто-то оттуда заходит в нашу и так меня пугает? Не специально, конечно. Живет своей жизнью, но поскольку я считаю, что в этой квартире никого, кроме нас, нет, пугаюсь до ужаса. Ты же знаешь, какая я впечатлительная... Меня всегда пугало что-то... потустороннее.

– Еще и мыши.

– Еще и мыши, – с тусклой улыбкой согласилась Алиса. – Но пусть уж лучше мыши тут бедокурят, чем... призраки.

– Какие призраки, Алиса, когда на дворе – кризис! – несмешно сострил муж, но она на эту реплику опять ответила улыбкой.

– Хорошо, – решительно встал Сергей. – Для твоего успокоения я взломаю эту дверь. Погоди, схожу за инструментами.

* * *

Этот кошмар мало отличался от предыдущих, только оборвался он совсем по-другому. Вначале все шло по знакомому сценарию: преследователь, учащенное дыхание с вонью гнилых зубов совсем рядом, цепкие пальцы на ее плече и проволока, о которую Инга спотыкается и падает в яму котлована. Она уже знает, что ее ждет: долгий полет, ощущение ужаса и рвущий легкие отчаянный крик, который оборвется в тот момент, когда ее тело упадет на торчащие прутья арматуры. И в тот момент, когда Ингу уже увлекло в пропасть, кто-то в последний момент ухватил ее за запястье и резко рванул вверх. В первый момент она подумала, что это преследователь. Но, едва придя в себя после испуга, увидела, что рука принадлежит кому-то другому. Это была не тонкая «цыплячья» рука преследователя с непропорционально широкой по отношению к такому узкому запястью ладонью. А крепкая мужская, со вздутыми, будто от физических нагрузок венами, с жесткой черной растительностью. Но только Инга подняла глаза, желая рассмотреть лицо спасителя, как... проснулась.

Алексей рядом мирно сопел во сне, видимо, на этот раз Инга не разбудила его криком. На электронном будильнике зелеными «кошачьими глазами» высвечивались цифры. Полшестого утра. Но спать уже не хотелось. Она тихонько села и спустила ноги с кровати. Похоже,

ночные походы по дому становятся привычкой. Инга выскользнула из спальни, но не стала спускаться на первый этаж, а прошла в библиотеку. Не только Лиза искала уединения здесь, в этом храме. Книги, их многозначительное молчание, действовали и на нее волшебным образом, вносили покой в мысли, устраняли страхи, уравнивали эмоции.

Она не стала зажигать общий свет, а в потемках прошла к столу и включила лампу. Читать не хотелось, ей лишь нужно было побыть в одиночестве.

Левое запястье болело. Инга обратила на это внимание только сейчас, беря в руки оставленный ею же с вечера том. Странно, будто за руку дернули не во сне, а наяву. Она сдвинула тонкие серебряные кольца браслетов повыше и потеряла запястье. Как бы ей хотелось «закрыться» от этих кошмаров! Но какие бы методики она ни применяла перед сном, желая себе спокойного отдыха, ничего не выходило. Ни знания ведуньи не помогали, ни психологические приемы.

– Крах по всем фронтам, – вздохнула Инга, имея в виду проигранную войну ночным кошмарам. Остается лишь последнее средство – доктор-время.

Ее близкие, которых тоже немало потрепало в тот сложный период, сейчас, казалось, совершенно забыли о перенесенных бедах. Лариса светится от счастья, находясь рядом с любимым мужем. Вадим ни словом, ни мимикой не выдает, беспокоят ли его полученные в аварии травмы. С Ларисой он нежен и заботлив даже больше, чем раньше. Похоже, после пережитого у них начался новый медовый месяц. Алексей, несмотря на свою обычную занятость, старается уделять Инге и дочери как можно больше внимания. Нежный, ласковый, заботливый, внимательный... Чернов – не Чернов. Не «рыбный барон», известный своим жестким характером, а влюбленный студент в весенний период. Только Лиза, проницательная, не по годам умная девятилетняя девочка, иногда бросает на Ингу такие взгляды, будто читает ее настроения.

– Время, время, дайте мне время, – пробормотала, не обращаясь ни к кому и одновременно ко всем сразу. Запястье все так же ныло, невольно заставляя думать о спасителе, выхватившем ее из пропасти. Новая «деталь» в кошмарах. Может быть, всего результат ее психологической установки на позитив? Не удалось избавиться от кошмаров, но удалось «повернуть» их так, чтобы оканчивались они ее спасением? Может быть. Маленькая победа.

Инга поставила книгу на место и вышла во двор, где со вчерашнего вечера на веревке сохла выстиранная одежда. Наверное, охранники, днем и ночью оберегающие покой обитателей дома, позабавились, увидев вышедшую во двор в ночной сорочке гостью. Но Инге было все равно, как они отнесутся к ее выходу. Она сняла с веревки высохший сарафан и с ним вернулась в дом. Переделась в туалетной комнате на первом этаже, бросила сорочку в корзину для грязного белья и вышла опять на улицу.

– Инга?

Ее выход не остался незамеченным. А как иначе: мимо тщательно отобранных охранников и муха не пролетит. Из будки вышел молодой парень, имя которого, к своему стыду, Инга не запомнила, и остановился в шаге от нее.

– Я пройду немного, – улыбнулась Инга, а про себя чертыхнулась. Ну и как тут жить – под вечным прицелом видеокамер и недремлющего ока секьюрити? Помнится, впервые оказавшись в доме Чернова, Инга с сарказмом поинтересовалась, не натканы ли вездесущие «глазки» камер и в туалетных комнатах... Но, с другой стороны, понимала желание Алексея обезопасить себя и близких. Особенно после того, как чуть не похитили его дочь.

– Что мне передать Алексею Юрьевичу? – по-деловому «допросил» охранник, не спуская с нее сверлящего взгляда. Наверняка «записывает», как видеокамера, происходящее «на пленку». Бравые ребята, никаких сантиментов. Только работа, работа, работа. Может, оно и правильно. Но Инга почувствовала себя неуютно. Будто пересекала в неприлично короткой юбке двор с сидевшими на лавочке местными бабушками-сплетницами.

– Да ничего не нужно передавать! – махнула она рукой. – Куда я денусь, пройду лишь немного по улице, подышу воздухом и вернусь.

– Но... – растерялся охранник, уже представляя, какой выговор получит от хозяина за то, что не сможет внятно ответить тому, куда подевалась его подруга. Но Инга уже направилась к калитке.

– Погодите! – донеслось ей вслед.

– Скажите, что я ушла прогуляться на кладбище, – с приятной улыбкой, оглянувшись, ответила она. «Может, добавить что-то вроде того, что отправилась я туда за приворотной травой?» Но, решив, что это уже будет перебор, промолчала.

Про кладбище вырвалось случайно, она не собиралась туда идти. Хотела лишь пройтись по улицам, не уходя далеко от дома Чернова. А теперь, после оброненного вроде бы в шутку замечания, ее ноги сами свернули на знакомую дорогу.

Брат в отличие от нее периодически приезжал в этот приморский городок, следил за могилками родителей и бабушки. Она же по необъяснимым для нее самой причинам предпочитала не возвращаться. Видимо, боялась, что родной город поманит ее, суля материнские ласки. Приехала после долгого перерыва лишь прошлым летом – в поисках утешения. Город принял ее, но коварно подстроил ловушку, перетасовав все планы и выложив собственную комбинацию: привязал к себе неожиданно вспыхнувшей любовью к мужчине и его дочери, живущим здесь.

Инга миновала улицу с большими, «богатыми», как их тут звали, домами и вышла на дорогу. Прошла по пыльной обочине, свернула на первом повороте, вышла на ухоженную набережную, еще пустую в этот ранний час. Поплутала в паутине других улочек, сплетающихся вместе в узор, где частенько теряются неместные, миновала рынок, который просыпался в городе первым. Увидела, что торговцы фруктами и овощами уже выкладывают на каменные прилавки свой товар в ожидании первых покупателей, и едва справилась с искушением зайти и купить что-нибудь вкусное, дразнящее распространяющимся в свежем воздухе запахом. Потом, на обратном пути.

Еще пятнадцать минут ходьбы, и она вышла на дорогу, ведущую к городскому кладбищу. Оно было огорожено низкой бетонной стеной, не столько защищающей от вандалов, сколько обозначающей его территорию. Впрочем, насколько Инга знала, случаи вандализма в этом городке были очень редки.

Она вошла в обычную калитку (никаких тебе высоких ворот, какие бы могло нарисовать воображение) и направилась по узкой асфальтированной аллее, укрытой от солнца склоненными в скорбном почтении кронами плакучих ив, к могилам родных. Приближаясь к нужному месту, Инга невольно замедлила шаг. Она все оттягивала и оттягивала обязательный визит сюда. И не потому, что кладбище навевало грустные мысли и тревожило воспоминания. Ей казалось, будто бабушка «спросит» с нее за нарушенный наказ, за совершенное. Преступила. Других погубила и чуть сама не погибла. Может, бабушка уже наказала ее тем, что перестала приходить в ее сны. Инга обрадовалась бы любому сну с бабушкой, даже если бы та ругала ее. Но нет, не снится.

С тяжестью на душе она зашла за оградку. С прошлого лета многое изменилось: старую скамеечку заменили на новую, покосившиеся памятники поправили, почистили, оградку выкрасили в свежий цвет молодой зелени. Спасибо Алексею – взял на себя труд следить за могилами.

Инга присела на скамеечку и, сложив ладони меж колен, смиренно склонила голову. Хотя со стороны и казалось, что сидела она в скорбном молчании, ее мысленный монолог с упокоившимися родителями и бабушкой был горяч.

Раньше, когда она навещала могилы, всегда ощущала присутствие близких. Сегодня же впервые чувствовала пустоту. Будто и впрямь «разговаривала» лишь с бездушными памят-

никами. Дело в утраченной силе или в том, что она преступила, обратила свои способности во зло? Скорее, в последнем. Год назад она вот так же сидела тут, обессиленная, но чувствовала присутствие родных так, будто они стояли рядом. А бабушка «давала» ей советы, «упрекала», что пренебрегает внушка защитой, говорила, что и засушенная роза может возродиться от воды, если та вода – любовь.

– Бабушка, прости! – вырвалось у Инги вслух. И отчаянный крик в мертвой тишине разнесся, кажется, на все кладбище. Сколько таких просьб о прощении выслушали эти молчаливые ивы, склоняющие ветви-плети в плаче, роняющие слезы за всех потерявших, – не счесть.

И то ли из-за ответного молчания, то ли потому, что заразилась от ив-плакальщиц их скорбью, она расплакалась. Но слезы не принесли ожидаемого облегчения, а бездушные памятники – утешения.

* * *

Иногда в узкое оконце, находящееся почти под самым деревянным потолком, заглядывал заблудившийся солнечный луч, но, быстро скользнув по земляному полу, поспешно сбегал, будто пугался мрачности, которая поселилась здесь навеки. И зимой и летом тут было одинаково серо, пасмурно.

Она как-то услышала, что солнечный свет – это не что иное, как вестник того, что одна из душ-преступниц получила долгожданное освобождение и с лучом уходит в другой мир. И неожиданно для себя поверила в это. Большие ни во что не оставалось верить, только в короткие солнечные визиты. И теперь, каждый раз увидев на полу или стене светлое пятно, по старой привычке начинала молиться за отходящую душу, про себя завидуя полученной ею долгожданной свободе. Но мало было тех, кто уходил вот так, с солнечным лучом. Чаще умирали в особо пасмурный день, как и надлежит виновным в тяжких преступлениях, долгою смертью, в мучениях, длившихся не одни сутки, с криками, которые вырывались наружу из этих подземных помещений и разносились по всей территории.

Когда-нибудь и она вот так же... Когда-нибудь и ее наполненный нечеловеческими муками голос вырвется из-под земли, вознесется к небу и, отверженный им, полетит обратно на землю тяжелым камнем, раздавит ее. Из искаленной груди вырвется другой крик. И так, с криками, разорванная ими, будет уходить из нее душа – по частям, очень долго и невыносимо больно. Не будет легкого избавления, зря она надеется на это, зря обманывает себя придуманной сказкой, что прощенные умирают с солнечным светом. Им, согрешившим, не будет прощения. Ожидание мучительной смерти – еще одна часть наказания, которое они обречены нести. Как и воспоминания о других мученицах...

...Ей до конца жизни-нежизни запомнилась та молодая девушка, имени которой она не знала и про себя звала новенькой. Никто точно не знал, как новенькая появилась среди них. Пришла ли, ведомая зовом – как приходили и другие, – или же кто-то привел? По слухам, нашли ее на ступенях бывшего храма без чувств. Но, судя по тому, что девушка проникла на защищенную территорию, на которую ни зверю, ни простому смертному не попасть, пришла сама.

Она так и не узнала, кто первым обнаружил новенькую. Увидела лишь, что вокруг ступеней бывшего храма вдруг стали собираться другие: молчаливые, мрачные, облаченные в рваные грязные одежды, нечесанные, неумытые, изможденные. Останавливались неподалеку, не решаясь подойти ближе, словно лестницу от толпы отделяло огненное кольцо. Повинуясь неведомому порыву, она, такая же проклятая, как и все, вдруг решительно раздвинула руками стоявших перед ней и стала пробираться вперед. На нее сердито оглядывались, думая, что она собирается продвинуться в первый ряд, чтобы лучше разглядеть. Но потом, угадав наме-

рения, толпа стала расступаться, но не в уважении, а в страхе и безразличии, будто пропускающая проклятую. Если в чьих-то глазах и мелькнуло сострадание к несчастной девушке, лежавшей на ступенях, оно тут же гасло: сочувствовать таким же, как они, значило забывать о тяжести совершенного греха.

Ей и самой не понять, почему она поступила так, почему не оставила новенькую там, на ступенях. Ведь здесь не протягивали руку помощи себе подобным. Никто даже словом, даже мысленным сочувствием не должен пытаться облегчить страдание. Но, не обращая внимания на жгущие спину осуждающие взгляды, она поднялась по ступеням, наклонилась к девушке и, подхватив ее легкое тело, понесла. Перед ними так же расступались, пропускавая. Только теперь в некоторых взглядах мелькнуло не только осуждение, но и одобрение, тщательно скрываемое под опущенными ресницами.

Она принесла новенькую к себе и те три дня, что бедная девушка металась в бреду, выкрикивая то мольбы, то проклятия, не отходила от нее, будто родная мать. А в последнюю ночь, почувствовав, что мучения несчастной стали невыносимыми, вынесла ее из своей камеры наружу, желая, чтобы ее душа ушла с ветром.

Она и сама не понимала, чем ей так приглянулась эта девушка, еще совсем девчонка. Было в ней что-то такое, что заставило душу грешницы, опустошенную совершенным грехом, растрескавшуюся, как иссушенная земля, выпустить слабый зеленый росток. У той девчонки, имя которой так и осталось неизвестным, были такие глаза, воспоминание о которых будет сопровождать ее все оставшиеся дни-века ее жизни-нежизни. В них, глазах-колодцах, тонули звезды, и казалось, будто звезды отражаются не в них, широко распахнутых навстречу отвернувшемуся от ее молитв небу, а наоборот – в небе.

Та девочка уже болью, которая разлилась океаном в ее глазах цвета пепла, могла искупить не только свои грехи, но и всех их. И быть прощенной. Но мучилась так тяжело, как самая последняя грешница. Мучилась, будто нечто терзало ее изнутри, разрывало в поисках выхода внутренности. И лишь на исходе третьего дня это нечто вырвалось наружу. «Оставьте меня!» – были последние слова той девушки с глазами цвета пепла. Выкрикнув их, она словно избавилась от мучившего ее демона. И наконец-то испустила дух.

...Сейчас, увидев на полу светлое пятно, она подумала, что с этим солнечным лучом к ней заглянула та девочка, чтобы передать немую благодарность. Чтобы дать надежду, что своими страданиями они выманивают прощение тех, против которых преступили. Тех, которых погубили.

IV

Собираясь на работу, Алиса не могла отделаться от липкого, как растаявшая карамель, ощущения, будто за ней кто-то наблюдает. И не в щелку, украдкой, а так, словно она находится на виду, как участница телешоу, заключенная в помещение со стеклянными стенами и понатыканными везде камерами. Каждый жест, каждое движение «проглядывается» со всех сторон – не скрыться. Откуда взялось это ощущение, она не понимала, и это тревожило. Может, с ней самой что-то не так? Слуховые галлюцинации вкупе с ощущением, будто попала под слежку... Кому расскажи – отправят к психиатру.

Засыпая во вскипевшее молоко овсянку, Алиса старалась вспомнить, не было ли у нее в роду случаев шизофрении, но ничего подобного припомнить не могла. Правда, тетка по папиной линии отличалась экстравагантностью, но то была «чудинка» стареющей женщины, пытающейся всеми силами догнать уходящий поезд молодости и все никак не желающей принять то, что в жизни наступила осень. Тетка даже отрицала золотую пору бабьего лета своего возраста и упорно наносила на лицо «молодящий» макияж в розовых тонах, одевалась как тинейджер, заплетала выбеленные волосы в две тонкие косицы. Но можно ли отнести теткин случай к заболеванию? Алиса покачала головой, не соглашаясь, хоть и звала ее про себя сумасшедшей. И тут она спохватилась: выискивая в роду случаи шизофрении, она тем самым как бы принимала то, что подозревает начало заболевания у себя. «Нет!» – мысленно воскликнула Алиса и тряхнула головой. Она здорова, а то, что произошло... Ну и что, что этому нет объяснения. Будто мало на свете всяких явлений!

Но готовя завтрак, раскладывая по тарелкам овсяную кашу, Алиса ловила на себе настороженные взгляды мужа. Сережа не умел наблюдать скрыто. Не умел ни врать, ни утаивать что-либо, был открыт, как ладонь. И это было, с одной стороны, хорошо, но с другой... Именно сейчас это его топорное неумение делать что-то скрытно Алису очень раздражало, нервировало и злило. Под взглядами мужа она была будто под софитами. Вся на виду – мимика и жесты, выдающие волнение. И хоть Алиса понимала, что это связано со вчерашним происшествием, не получалось отвязаться от мысли: муж поглядывает подозрительно потому, что ему стало известно о ее тайной переписке.

– Ну что ты так на меня смотришь?! – не выдержала она в тот момент, когда Сережа уж совсем стал откровенно провожать взглядом каждую ложку с кашей, которую Алиса отправляла себе в рот.

Муж встрепенулся и заморгал, будто его поймали с поличным.

– Так... Ничего. Беспокоюсь за тебя. Ты вчера меня здорово напугала.

– Я в порядке, – буркнула Алиса, опуская взгляд в тарелку. – И не сумасшедшая, – добавила после того, как Сережино ответное молчание на ее реплику показалось слишком уж красноречивым.

– Я этого не говорю!

– Ну и хорошо. Давай оставим эту тему. Ешь кашу. Нам выходить через пятнадцать минут.

Завтрак прошел в тишине: они не обсуждали, как обычно, новости, не строили планов на будущий вечер. Доели, молча, каждый свою порцию, так же молча составили тарелки в раковину, выпили чай. «Будто мы в ссоре», – подумала Алиса, и ей захотелось сделать что-то такое, чтобы убедить себя в том, что это не так. Порывисто броситься мужу на шею, крепко-крепко прижаться к нему всем телом, потереться носом о пахнущую пеной для бритья щеку – как она делала обычно, еще совсем недавно. Но почему-то Алиса сдержала этот порыв.

В машине она включила радио и под бодрые призывы ведущего начать новый день и его несмешные шутки опять задумалась о вчерашнем происшествии.

...Сереже удалось открыть запертую комнату. Замок был простым, держался на паре винтов. Муж просто вывинтил его и потом, когда они осмотрели комнату, вставил обратно. Хозяйка, сдавшая им жилье, вряд ли заметит, что квартиранты заглядывали в закрытое помещение.

В комнате не оказалось ничего интересного. Вернее, интересного было много чего, но все, что находилось там, не могло дать объяснения подозрительным шумам. Алиса и сама не знала, что ожидала увидеть. Может быть, другую дверь, ведущую в соседнюю квартиру. Или клетку с животным, способным долгое время прожить без пищи и ухода. Да что угодно! Но комната была заставлена старыми вещами: пустыми чемоданами (Алиса не поленилась заглянуть в каждый), стульями с протертой на выпуклых подушках-сиденьях обивкой, тюками с тряпьем, связками старых газет и журналов. Возле стены стояла кровать без матраса с металлической сеткой, а рядом – ящик с инструментами. Около противоположной притулился, будто утомившийся старик, пустой буфет. Под встревоженным взглядом мужа Алиса обошла комнату дважды, рассматривая вещи вначале испуганно, осторожно, потом – более внимательно. Сережа же все это время стоял возле двери, с вывернутым замком в одной руке и отверткой – в другой. И Алиса, чувствуя на себе взгляд, злилась. На мужа – за то, что вскрыл комнату не потому, что поверил рассказу, а чтобы прекратить ее истерику. И на ситуацию, в которую она попала.

Происшествие так обессилило и расстроило ее, что Алиса отказалась от ужина и легла в постель. Сережа заботливо приготовил чай, в который добавил коньяку с медом. И даже посидел рядом, пока она не уснула, словно мать с заболевшим ребенком. Но хоть Алиса и спала глубоко, во сне продолжала переживать случившееся. Ей снилось, что сидит она за компьютером и пишет письмо кумиру, в котором подробно рассказывает обо всем случившемся. И после того, как оно было отправлено, Алиса проснулась. Муж уже спал рядом, на табло электронных часов высвечивалось время – три часа. Однако, хоть до подъема оставалось много времени, чувствовала она себя выпавшейся. Еще немного поворочавшись в раздумьях, переживая в воспоминаниях не вечерний кошмар, а недавнее сновидение, оставившее молочно-сладкое, как ириска, послевкусие, Алиса решительно встала. Сон подсказал решение: нужно поделиться происходящим с писателем Лучкиным и спросить у него совета! Чьи еще слова могут успокоить лучше чая с коньяком? Алиса тихонько вылезла из постели и включила ноутбук...

Сейчас, разглядывая в окно поток почти не двигающихся машин, она думала, что поступила очень глупо, написав такое письмо с психиатрическим душком человеку, уважение и внимание которого желала завоевать. Поддалась желанию получить сочувствие и совет... Но ведь его сочувствие не нужно! Не потенциальной клиенткой ей хотелось быть для него, а Богиней. И неважно, что на «богиню» она не тянет, ведь так приятно потешить себя фантазиями, как в один из дней она встречает писателя в реальности и пленяет его своей привлекательностью, загадочностью и умом!

Сейчас, уныло рассматривая плетущийся рядом с их машиной по другой полосе серый «Опель», Алиса думала о том, что ее мечты – всего лишь пепел, растертый между пальцами. Красотой она не блистала. Загадочной тоже не была – достаточно вспомнить, как она письмо за письмом обнажала перед писателем душу. Ум... О каком уме можно говорить после того, как она так глупо попала на удочку подростковых фантазий и увлеклась «звездой», мечтая, что однажды «небожитель» сойдет с небосклона ради нее? Божество не преклоняет колен перед блеклой молью. И уж тем более о каком уме можно говорить после того, как она вчера рассказала о своих «галлюцинациях»...

– Алиса, что с тобой? – ворвался в ее мысли встревоженный голос мужа. Алиса от неожиданности вздрогнула и резко повернулась к нему.

– Ты так скривилась. У тебя что-то болит?

Болит. Совесть и самолюбие.

– Нет, – мотнула она головой и вновь уткнулась в окно. Машины в соседнем ряду получили возможность двигаться быстрее, чем в ряду, где простаивал их «Фольксваген», и серый «Опель» вырвался вперед на три машины. Его место заняла другая, не опознанная Алисой иномарка синего цвета, с заднего сиденья которой мальчик лет пяти показывал в окно язык. Алиса не сдержалась и состроила мальчику рожу. Тот засмеялся и высунул свой розовый широкий язык так сильно, как мог. «Фу», – подумала Алиса и отвернулась. Вытащив из сумочки мобильный, она вошла в Интернет, чтобы проверить почту. И, не увидев ответа от писателя, еле сдержала набежавшие от огорчения слезы.

* * *

Когда Инга свернула на улицу, ведущую к дому, то заметила вышедшего из ворот брата. Вадим, одетый в джинсы и светлую футболку, шел навстречу торопливым шагом.

– Ты куда собрался? – удивленно спросила она, подходя к брату.

– Почти то же самое собирался спросить и у тебя, с той лишь разницей, что меня интересует, откуда ты идешь.

– С кладбища, – не стала отпираться Инга.

– Понятно, – многозначительно усмехнулся Вадим. Но ни расспрашивать, ни комментировать больше не стал. Сунул руки в карманы и, кивнув за спину Инги, спросил: – Пройдешься со мной?

– Далеко? Боюсь, Алексей уже проснулся и хватился меня.

– Хватился, – кивнул брат. – Но я сказал, что ты пошла на рынок. Ты тут превратилась в раннюю пташку.

Вадим был прав: обычно Инга ложилась спать очень поздно и вставать рано не любила. А здесь, в городке детства, вернулись ее утраченные привычки. Часто Инга вставала рано и уходила на рынок, чтобы принести Нине Павловне свежих, еще с капельками росы на боках, овощей, не успевших истомиться под утренним солнцем в корзинах в ожидании своего покупателя. Пожилая женщина говорила, что, если хочешь получить лучшую часть мяса и застать богатый выбор рыбы, отправляться за покупками нужно спозаранку. Ни рыба, ни вырезка дожидаться, пока ты выспишься, не станут. И Инга соблюдала это правило.

– Я проходила мимо рынка, но не зашла на него. Задумалась.

– Понятно. Ну так что, пройдешься со мной? Не беспокойся, Алексей уже заперся в кабинете с работой.

– Тогда пошли, – согласилась Инга.

Когда они в молчании дошли до развилки двух дорог, одна из которых вела к рынку, а другая – к набережной, Вадим вдруг подхватил сестру под локоть и повел ее по той дороге, которая шла к морю.

– Эй, я думала, мы на рынок идем...

– Успеем. Пойдем поздороваемся с морем.

Они неторопливо шли по пустой, позолоченной утренним солнцем набережной. Инга помнила ее еще узкой, отгороженной от пляжа обычной оградой из металлических прутьев. Сейчас же, отреставрированная, расширенная едва ли не втрое, вымощенная новой плиткой, украшенная белоснежной стеной с колоннами, с фонарями «под старину», набережная приобрела помпезный вид. Но, несмотря на то, что новая набережная украсила город, старая нравилась Инге куда больше. Просто потому, что по ее разбитым плитам она бегала девочкой,

через тот некрасивый забор перемахивала легкой птицей, в каждой трещине, как в пещере – сокровища, скрывались ее детские воспоминания. Новая же, белоснежная красавица, казалась чужой. Сейчас, прогуливаясь по ней рядом с братом, Инга думала о том, что в родном городе чувствует себя курортницей. Или все дело в том, что почти половина ее жизни прошла в столице, и Москва с ее суетой, загазованностью, шумом стала куда ближе провинциального города? Инга уже давно жила на бегу, следуя столичным правилам.

– Знаешь, Вадим, я все же думаю о переезде, – она первой нарушила молчание. Похоже, брат решил ни о чем ее не расспрашивать и ожидал, когда сестра сама начнет разговор.

– Ты знаешь, что значат для меня Алексей и Лиза, – продолжила Инга, от волнения теребя серебряные браслеты на запястье. – В нашей ситуации надо что-то решать. Вернее, кому-то решиться. Его, как видишь, к этому месту привязывает куда больше вещей, чем меня – к Москве.

– Не знаю, как ты проживешь без столицы, ведь ты давно стала ее частью. Или она – частью тебя, – ответил Вадим, хмурясь. И вытащил из кармана джинсов смятую пачку сигарет.

– Ты же сам говорил, что будешь рад, если я свяжу свою жизнь с Алексеем.

– И говорю, – кивнул брат, приостанавливаясь, чтобы прикурить. Дым попал ему в глаза, и он, поморщившись, помахал ладонью, разгоняя его. – Если бы ты вышла замуж за Чернова, я был бы за тебя спокоен.

– А сейчас не спокоен? – засмеялась она, протягивая руку, чтобы попросить сигарету.

Вадим не ответил на ее вопрос, лишь, глядя на требовательно раскрытую ладонь, нахмурился:

– Ты же ведь почти бросила?

– Почти не считается.

Он протянул ей сигарету и чиркнул зажигалкой. Инга прикурила и замолчала. Она ожидала от брата вопросов, уговоров или советов, но тот продолжал идти молча. Лишь часто подносил к губам сигарету и выдыхал дым так резко, будто сплевывал.

Какое-то время они так и брели в тишине, нарушаемой иногда криками чаек, – долго, до тех пор, пока не оборвался белоснежный забор и нарядная плиточная набережная не осталась за их спинами. Прошли по асфальтированной дороге, сузившейся в простую тропу, и, увидев спуск к морю, направились к нему. Вступив на прохладную гальку, Инга скинула шлепанцы и пошла по гладким камешкам босиком. Вадим задержался, чтобы развязать шнурки на кедах.

– Ты изменилась, – сказал он вдруг, нагоняя ее возле кромки моря.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, не оборачиваясь и неторопливо продолжая путь по той пограничной линии на берегу, до которой добежали волны. Так она любила ходить в детстве: следовать по линии, разделяющей сухие камни от влажных.

Ее тон – нарочито расслабленный, даже с налетом безразличия – мог бы обмануть кого угодно, но только не Вадима, знавшего сестру как себя.

– То и имею в виду, что ты стала другой. Я видел много изменений с тобой, видел тебя и несчастной, и счастливой, напуганной и встревоженной, влюбленной, страдающей, почти поверженной... Какой я еще тебя видел? Всякой. Но сейчас изменилась ты сама, а не твое душевное состояние. Не знаю, как объяснить... Если бы я мог чувствовать как животное, неуловимые для нас запахи, я бы сказал, что изменился твой запах. Ну какое еще сравнение дать... Будто изменился цвет твоей кожи.

– Еще скажи, что я изменила пол, – засмеялась Инга, но смех прозвучал невесело.

– Только попробуй! – шутливо пригрозил Вадим и вновь сменил тон на серьезный: – Я пристаю не из праздного любопытства, сестра. Ты меня беспокоишь. Что-то случилось, что-то тебя тревожит, но ты не желаешь мне рассказывать, чтобы не волновать. Так ведь? Я тебя знаю. К тому же почти привык, что ты то и дело попадаешь в приключения, – притворно вздохнул он.

Последнее замечание вызвало у Инги легкую улыбку, которая тут же исчезла, как выглянувшее из-за облаков лишь на мгновение солнце.

– Хорошо, – сказала она, резко поворачиваясь к брату и откидывая упавшие на лицо растрепанные ветром черные волосы. – Ты прав, я стала другой. Я утратила силу, и, похоже, на этот раз безвозвратно.

Она вновь развернулась и пошла уже быстрее, будто жалея, что с ее языка сорвалось то, что так тщательно скрывала. Он опять нагнал ее и остановил, положив руку на плечо.

– Что еще, Вадим? Я все сказала. На самом деле я не другая, а самая обычная. Что неплохо, согласись. Закончились мои приключения, теперь я обыкновенная женщина, у которой все хорошо, которая желает выйти замуж за любимого человека и зажить наконец-то спокойной жизнью. Вот и все.

– Далеко не все, – процедил он и вдруг резким движением стянул с себя футболку. – Ну что, давай, как раньше, наперегонки во-он до тех буйков. Победишь ты – оставишь свой секрет при себе. А если я – расскажешь мне все как на духу.

Вадим бросил футболку на гальку. Инга же, несмотря на то, что в детстве с азартом принимала пари брата, осталась стоять на месте. Лишь молча наблюдала, как Вадим потягивается, делает пару круговых движений руками, разминаясь перед заплывом. Природа наградила его хорошим сложением, но Инга знала, что раз-два в неделю брат перед работой заезжал в спортивный клуб – привык держать себя в форме. Не изменил этой привычке и после того, как у него прибавилось забот, связанных и с появлением в семье Ванечки, и с повышением по службе до начальственной должности. Два раза в неделю – в клуб перед работой, это святое... Но внимание Инги привлекла не фигура брата, а длинный, еще не успевший побелеть шрам. И ее швырнуло, будто сильной волной – о камни, в кошмарные воспоминания из недавнего прошлого.

– Ну? – поторопил ее брат. – Только не говори, что ты уже слишком большая девочка для того, чтобы участвовать в таких соревнованиях. Мы здесь, в нашем городе, не взрослые дяди и тети, которыми стали, а дети, которыми жили тут. Или боишься, что я тебя обгоню? Обгоню ведь, если ты так и дальше будешь стоять на месте. Ну, давай, считаю до трех. Раз...

– Вадим, – перебила она его. И как на духу выпалила: – В твоей аварии виновата я. В ваших разногласиях с Ларисой – тоже. Как и в том, что Алексей чуть не женился на другой женщине. Но это еще не все. Из-за меня убили Лёку, одна из моих клиенток умерла тоже по моей вине. А самое ужасное то, что я лишилась силы потому, что убила. Своим проклятием. И я должна была погибнуть, но спаслась. Впрочем, еще не уверена в том, что спаслась. Вот и все. Можешь одеваться. Не стоит лезть в холодную воду только ради того, чтобы «выиграть» у меня в пари откровенность.

– Постой-постой, – нахмурился Вадим. Подняв футболку, он оделся и присел на гальку. – Ничего не понял. Давай сначала и с подробностями.

Инга, вздохнув, рассказала, как брат и просил, обо всем, что случилось весной.

– Что-то подобное я и предполагал, – сказал он, обнимая ее за плечи и привлекая к себе. Инга прильнула, будто расстроенный ребенок – к матери, и, прикрыв глаза, выдохнула. После того как выговорила, она почувствовала себя намного легче, будто могильная плита, которая давила ей на грудь, пошла трещинами и стала рассыпаться крошкой. Инга больше не ощущала прежней тяжести, лишь дискомфорт, словно под одежду и правда насыпали мелких остроугольных камешков.

– Я же тебя знаю, – ласково сказал Вадим, глядя ее по волосам. – Понял – что-то случилось, но все ждал, пока ты сама отважишься рассказать. Как жаль, что не поделилась со мной раньше...

– Вадим, ты всегда посмеивался над такими вещами, – напомнила ему Инга. – Вспомни наш разговор в квартире дяди. Как я пыталась донести до тебя, что что-то идет не так... А ты не воспринимал мои слова всерьез. И что? Я оказалась права!

– Хорошо, хорошо, – поспешно перебил ее он. – Да, да, ты права. Прости. Ты не раз демонстрировала свою правоту. И я знаю, что ты у меня особенная. Не думай, что я не прислушиваюсь к твоим словам, не верю тебе. Мне просто по должности не положено демонстрировать веру в подобные вещи! Ну как же, еще скажут в банке, что я строю свою карьеру благодаря сестрице-ведьме, которая всех конкурентов превращает в жаб.

Его заявление вызвало улыбку. К тому, что он в шутку называл ее ведьмой, Инга привыкла. Как хорошо, что она рассказала все брату! И правда стало легче.

– Зря ты изводишь и винишь себя. Сейчас ведь все хорошо, – продолжил он. – Ты не виновница, а жертва.

– Вадим, это не умаляет моей вины. Я не должна была преступать, поддаваться на провокации! Знала ведь, догадалась, чего от меня добиваются, и все равно попала в ловушку!

– Сложно было не поддаться, – серьезно ответил Вадим, чуть отстраняясь от нее. – И что бы ни говорила, мне совершенно не жаль того отморозка. Из того, что ты рассказала, я так и не понял, почему ты считаешь себя его убийцей!

– Вадим, я же объяснила. Я убила проклятием, обратив в него всю свою силу. Я бы и сама умерла. Тогда же, вместе с ним, если бы не вмешалась Лиза. Она отвела от меня беду. Но чем это закончится, какие будут последствия – не знаю. Поэтому боюсь, что зря втянула девочку в свои неприятности.

– Но если бы не она, то тебя, как ты сама сказала, уже не было бы, – возразил Вадим. – Ты должна быть благодарна Лизе, а не мучиться непонятным комплексом вины.

– Я ей благодарна, конечно! О чем речь! Но... – не договорив, Инга покачала головой. Она не могла объяснить брату свои ощущения, как и себе самой. Да, на первый взгляд все казалось так просто: девочка ее спасла, все закончилось благополучно. Но не могла избавиться от гложущего ее чувства, что не должна была Лиза отводить беду, что такое вмешательство не пройдет для дочки Алексея бесследно.

Она так и сказала брату.

– Это лишь твои предположения, – опять возразил Вадим, но, как показалось Инге, неуверенно.

– И все же лучше бы я ее не вмешивала – случайно ли, специально... Девочке от рождения дана сила, ты знаешь. Такая, что мне и не снилась. Она – редкий самородок. Но ей не хватает учителя.

– Так почему ты не займешься ее обучением? Я ничего в этом не понимаю, но предполагаю, что в вашем мире существует какая-то теория, правила, без которых никуда нельзя. Если ты сама уже не можешь заниматься практикой, почему бы тебе не переключиться на обучение Лизы? И блестящие спортсмены уходят из спорта из-за травм, но многие продолжают карьеру в качестве тренеров. У тебя хватит и опыта, и знаний.

– Вадим, дело не в опыте и знаниях...

Инга так разволновалась, что вскочила на ноги и по привычке, когда ее что-то нервировало, принялась расхаживать по гальке перед братом. Как донести до него, что нежелание обучать кроется в сильной любви к девочке? Что она бы многое отдала за то, чтобы жизнь Лизы сложилась счастливо. Куда счастливей ее собственной.

– Понимаешь, я не хочу, чтобы она пошла по моему пути! Нам, наделенным этим даром, приходится за него расплачиваться. Мы помогаем другим обретать благополучие, но сами при этом жертвуем собственным счастьем, отдавая себя с каждым ритуалом ради того, чтобы выручить кого-то. Как доктор жертвует собственным здоровьем, проводя ночи и дни с тяже-

лым больным, чтобы поднять его на ноги. Мы – сапожники, которые обувают всех соседей, но сами при этом остаются босыми. Понимаешь? Хочу, чтобы Лиза выбрала другой путь.

– Но ты не можешь решать за нее!

– Я могу повлиять на ее выбор!

– Ой ли? – усомнился Вадим. – Скорей всего – направить. Инга, ты проводишь параллель между Лизой и собой, но у вас – разные судьбы, хоть во многом и схожие. Лиза наделена этой силой, о которой ты говорила, с рождения. Это уже с ней! Думай не о том, как подавить способности, а о том, как можно дар развить, чтобы Лиза правильно его применяла. Представь себе, что она – это мальчишка, у которого большие способности к боксу. И ты – тренер, который отказывается его обучать. Как поступит мальчишка, где применит свой «талант», в чем найдет выход своей энергии? В уличных драках? Как он окончит в таком случае? Какую бы судьбу ты выбрала для Лизы – боксера-профессионала или уличного хулигана?

– Неправильная аналогия, Вадим.

– В чем? – брат вскинул брови. – У Лизы уже есть сила, ее не отнимешь. Что она может сотворить, каких бед наворотить, если не будет знать, как правильно использовать свой талант? А если ее, как уже было, захочет прибрать к рукам какой-нибудь негодяй, чтобы использовать в своих гнусных целях? Ты ей нужна как наставница.

– Наставником может стать кто-то другой. Я могу найти ей хорошего учителя.

– Она выбрала тебя.

– Ты говоришь, как ее отец, – вздохнула Инга. В словах брата она видела смысл, но внутренне продолжала протестовать. Было бы замечательно, если бы девочка была обыкновенным ребенком! Как же не хочется для нее тех испытаний, которые выпали на ее долю!

– Вадим, я приняла решение отойти от своего занятия окончательно, – присев перед братом так, чтобы смотреть ему в глаза, произнесла Инга. – Моя сила в этот раз не восстановится лишь потому, что меня наполняет любовь. Сейчас – другой случай.

– Возможно, есть какие-то выходы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.